

Своя

сентябрь 2018

журнал
Никиты Михалкова

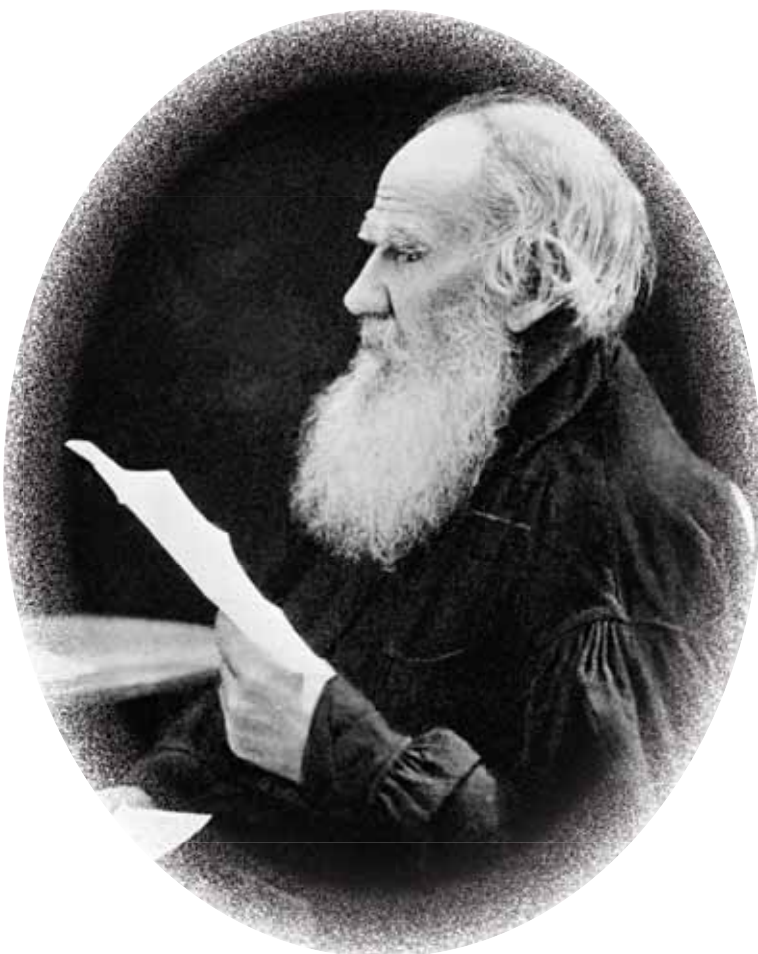
**ДЕЛАЙ,
ЧТО ДОЛЖНО**
К 190-летию
со дня рождения
Льва Николаевича
Толстого

**Смените
декорацию**
В театре главное —
сценография

**Ракету мне,
ракету**
Как создавался
двигатель прогресса

**Воспитание
по Сухомлинскому**
Через красивое —
к человеческому

ФОТО: ИТАР-ТАСС

КАЖДЫЙ хочет изменить человечество, но никто не задумывается о том, как изменить себя.

ВЛАСТЬ над собой — самая высшая власть, порабощенность своими страстями — самое страшное рабство.

МЫ знаем, что с заряженными ружьями надо обращаться осторожно, а не хотим знать того, что так же осторожно надо обращаться и со словом. Слово может не только убить, но и сделать зло хуже смерти.

КАКАЯ необходимая приправа ко всему — доброта. Самые лучшие качества без доброты ничего не стоят, и самые худшие пороки с нею легко прощаются.

ЧТОБ жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать... и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость.

Лев Толстой (1828–1910)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя Делай, что должно	24–29	Великие реалисты Смените декорацию
3–7	Русский гений Сражался как лев Где сочинялись «Севастопольские рассказы»	30–33	Страна мастеров Колосс на яшмовой ноге Алтайское чудо
8–11	Символ веры Евангелие от Елены Праздник Крестовоздвижения: история, образы, смыслы	34–37	На семи холмах Ай да Пушкин! Ай да Василий Львович! Дядюшка с Басманной
12–15	Имена и даты	38–41	Арсенал Ракету мне, ракету
16–19	Наука побеждать Борт номер один Екатерина II: «Действие флота Севастопольского меня много обрадовало»	42–47	Стоп-кадр Толстой напоказ Какими мы видим героев великого классика
20–23	Культурная эволюция Воспитание по Сухомлинскому	48–49	Трапезная Граф ел и нам велел

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

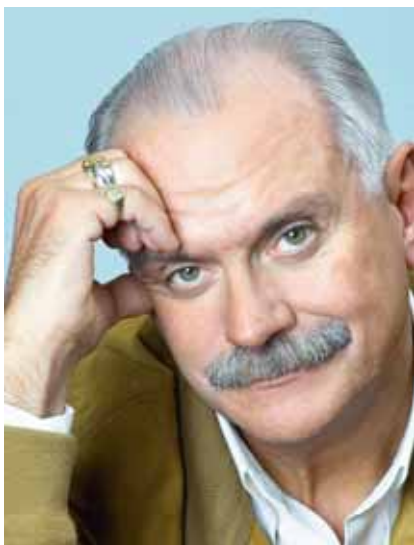
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 5844/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 24 июля 2018 г.

Делай, что должно

Меня не раз спрашивали: «А не хотели бы Вы экранизировать одно из произведений Льва Толстого?» Новый шквал вопросов посыпался, когда в Академии кинематографического и театрального искусства мы поставили несколько спектаклей по Бунину и Чехову. Хотел бы. И не одно. Но смелости, а вернее, дерзости для этого не доставало. Владимир Набоков справедливо заметил: «Высшая мечта автора: превратить читателя в зрителя». То есть великая литература — это не та, которую мы читаем, но та, которую ВИДИМ: она всецело захватывает наши мысли и чувства, персонажи — здесь, совсем рядом; кажется, протяни руку — и кто-то ее с готовностью пожмет. Можно ли усилить этот «визуальный» эффект, когда имеешь дело с Толстым? Сомневаюсь.

В начале 1960-х Сергей Бондарчук пригласил меня на роль Пети Ростова. Съемки «Войны и мира» шли годы, и за это время я, поначалу подросток, успел несколько повзрослеть. Сыграть пятнадцатилетнего юношу, увы, не довелось, зато посчастливилось близко и долго общаться с уникальным режиссером, получить от него несколько важных уроков на всю жизнь.

Работая много позже над картиной про Обломова, я прибегнул к использованию закадрового авторского текста. А перенял этот прием именно у Бондарчука, который, снимая свою замечательную эпопею, сумел удачно опереться на прозу Толстого — вдохновенно озвучил за кадром, возможно, самые глубокие философские мысли романа.

Однажды мы поговорили с Сергеем Федоровичем ночь напролет, причем он долго пытался объяснить мне смысл недавно прочитанной им книжки Циолковского «Монизм Вселенной». Зачем Бондарчук мне все это рассказывал, понял лишь годы спустя, когда осознал масштабы творчества Льва Николаевича, огромность его гения и те невероятные сложности, с которыми сталкиваются кинематографисты, стремящиеся показать на экране толстовских героев.

Впрочем, есть еще одно соображение, не позволяющее мне приступить к подобной экранизации. Каждый раз, когда я ставил картины по мотивам произведений Чехова, Гончарова и, сравнительно недавно, Бунина, приходилось — по давно заведенному мной же правилу — вместе с художественной литературой читать дневники авторов, изучать в мельчайших подробностях биографии. Важно было понять их отношение к созданным героям, изучить по возможности психологические свойства наших классиков, влиявшие на то, как подавался читателю тот или иной образ. К примеру, «Неоконченная пьеса...» основана не только на раннем тексте Чехова, но и на записных книжках, на деталях общения писателя с его современниками, на дружеской и деловой переписке.

Можно ли использовать тот же метод, обращаясь к творчеству Толстого? Боюсь, что нет. В жизни Льва Николаевича было невероятно много иррационального, спонтанного, продиктованного откуда-то извне. Скажем, начиная писать «Анну Каренину», он очень плохо себе представлял, ЧТО из этого получится. Просто отдался во власть вдохновения, следуя неизменному своему принципу «Делай, что должно, и будь что будет».

Мне этот девиз тоже весьма импонирует.

A handwritten signature in black ink, appearing to be the name of the author, written in a cursive style.

A detailed historical map of Sevastopol and the Crimean Peninsula. The map shows the city of Sevastopol, the harbor, and the surrounding terrain. Key locations like 'SEVASTOPOL', 'GRANDE RADE', and 'MATEVA' are labeled. The map is rendered in a sepia tone with various colored lines indicating routes or boundaries.

Сражался как лев

Каждому школьнику знаком облик яснополянского седобородого старца. С другой стороны, мы редко вспоминаем, что автор «Детства», «Казачков», «Севастопольских рассказов» и много-много другого когда-то был подтянутым офицером с щегольскими усами и по-армейски брутальным, решительным взглядом.

История любит парадоксы. Литератор, которого весь мир знает как величайшего пацифиста, проповедника непротivления злу насилием, воевал в свое время так доблестно, как мало кто из корифеев русской литературы. Очень показательно разглагольствовал на сей счет персонаж Михаила Булгакова, штабс-капитан Мышлаевский: «Да-с, вот-с писатель был граф Лев Николаевич Толстой, артиллерии поручик... Жалко, что бросил служить, до генерала бы дослужился... Впрочем, что ж, у него имя было».

Сергей Алдонин

Вслед за Лермонтовым

Толстого невозможно просчитать. Он легко переходил от рационализма к резким эмоциональным поступкам, от патриотизма — к радикальному отрицанию государства. Порой неприязненно рассуждал об армии и — создал впечатляющие картины батальной героики. Подобные метаморфозы были свойственны ему и в годы службы, а такой характер помогал на поприще писательства.

В юности увлекался Лермонтовым и вслед за любимым поэтом отправился на Кавказ, туда, где догорала война с непокорными горцами. Поехал не в качестве путешественника, а как волонтер-комбатант. И показал себя отчаянным храбрецом. Несколько раз его, юнкера, представляли к солдатскому Георгию. Правда, там же раскрылось и другое качество будущего классика — неуживчивость. Герой-индивидуалист не желал «встраиваться в коллектив», да и к воинскому уставу относился беспечно. Трудно найти человека, менее приспособленного к жизни в условиях военной дисциплины, нежели граф Толстой. Он не подчинялся системным требованиям, вел себя как странствующий рыцарь, держался особняком.

Следующая глава его воинской службы — Дунайская кампания, осада Силистрии. Среди военной аристократии Лев Николаевич чувствовал себя чужим. Графский титул, конечно, придавал некоторого лоска, но карточные долги, в которых он успел погрязнуть еще в юности, лишили финансового изобилия. Было и еще одно тяготившее обстоятельство: Толстой никогда не служил в гвардии, не имел отношения к кадетским корпусам и военным училищам. Сам он беспощадно называл это чувство «затаенной злобой от своего неблестящего положения».

На Дунае познакомился с Аркадием Столыпиным (будущим отцом самого известного в национальной истории премьера). Этот молодой офицер тоже увлекался литературой и художествами. Толстой, повторимся, трудно сходилась с людьми. Однако если тянулся к кому-то душой, то завоевывал дружбу на многие годы. Со Столыпиным их объединили схожие устремление и вкусы. Вместе они постигали войну и мир за долго до появления одноименного романа.

Л. Толстой. 1854

ФОТО: РИА НОВОСТИ

После Крымской трагедии Аркадий Дмитриевич не оставит ни военной карьеры, ни литературных занятий. И с Толстым не рассорится, время от времени будет гостевать у него в Ясной Поляне. Книга Столыпина «История России для народного и солдатского чтения» для тысяч крестьянских отроков станет учебником осознанного патриотизма. Было бы излишне переиздать ее сегодня.

Свой боевой и жизненный путь он завершит на рубеже веков комендантом Московского Кремля, генералом от артиллерии и обер-камергером Двора. Тогда, на Дунае, они на пару задумали небывалое: выпуск армейской газеты, да такой, чтобы охватила всю страну — с представительством в Москве и Петербурге, с корреспондентами во всех армиях и флотах. Денег не жалели, Толстой и Столыпин были готовы оплачивать расходы из собственного кармана. Предполагалась и подписка — недорогая, общедоступная. Никаких крамольных планов-замыслов приятели не строили. В развернутом анонсе издания преобладали патриотические мотивы: «распространение между воинами правил военных добродетелей: преданности Престолу и Отечеству и святого исполнения воинских обязанностей».

Толстого избрали главным редактором. Подобная газета действительно требовалась. По части военной прессы империя, увы, уступала странам, объединившимся в антироссийскую коалицию. Но получить разрешение на выпуск друзьям не удалось. С этого разочарования для Толстого началась самая драматическая страница.

Умрем, Ваше Превосходительство

Для большинства из нас Крымская война — не более чем привычный параграф в учебнике истории. В 1854 году, после столетия наших непрерывных побед, ан-

гло-французский десант на русском полуострове воспринимался как нечто невероятное, сравнимое разве только с нашествием Наполеона. «Я просился в Крым больше всего из патриотизма, который в то время, признаюсь, сильно нашел на меня», — признавался Толстой в одном из писем. После вялотекущей Дунайской кампании он оказался в самой горячей точке, где решалась судьба Отечества. В ноябре 1854-го Лев Николаевич впервые побывал на севастопольских бастионах. Ему долго не удавалось вступить в сражение, несколько недель его держали на тыловых позициях под Симферополем, в деревне Эски-Орда (ныне — село Лозовое). А затем — под бомбы, на 4-й бастион. Артиллерийская цитадель, неприступная для врагов, выдержала десятки атак.

Первые впечатления от Севастополя внушали оптимизм: «Я приехал 7-го, все слухи, мучившие меня дорогой, оказались враньем. Я прикомандирован к 3 легкой и живу в самом городе. Все укрепления наши видел издали и некоторые вблизи. Взять Севастополь нет никакой возможности — в этом убежден, кажется, и неприятель».

Вольнолюбивый характер давал о себе знать. У графа-подпоручика не сложились отношения с начальником артиллерии Карлом Шейдеманом, которого он знал еще по дунайским баталиям. Дело доходило до публичных ссор. Зато солдаты его сиятельство полюбили. «Он был в полном смысле душой батареи... Это был редкий товарищ, честнейшая душа, и забыть его решительно невозможно», — так вспоминали Толстого сослуживцы.

Бранных слов, без которых бойцам трудно обойтись на передовой, он чурался. Армейская молва сохранила такую историю. Однажды Толстой взялся переучивать заядлого сквернословца: «Ну, что ж ты такое говоришь, ну так же нехорошо говорить, ну, скажи просто: «Эх ты, ерфиндер пуп!» Солдаты это поняли по-своему и много лет спустя внушали новобранцам: «Вот служил у нас на батарее его сиятельство граф Лев Толстой — вот уж матерщинник был. Так загибал, что и не выразишь!»

А вообще, они восхищали будущего классика. «Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена Древней Греции не было столько героизма. Корнилов, обвезжая войска, вместо «Здорово, ребята!», говорил: «Нужно умирать, ребята, умрете?» — и войска кричали: «Умрем, Ваше Превосходительство, ура!» И это был не эффект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а ВЗАПРАВДУ, и уж 22 000 исполнили это обещание... Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами», — в этих дневниковых записях как будто описана наперед сама суть «Войны и мира».

Толстой и в молодые годы остро ощущал бессмысленность войны, массового смертоубийства: «И эти

В. МАКОВСКИЙ, И. ПРЯНИШНИКОВ. ЭПИЗОДЫ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ЖИЗНИ 1854–1855 ГГ., 1871–1872

люди — христиане... не упадут с раскаянием вдруг на колени... не обнимутся, как братья? Нет! Белые тряпки спрятаны — и снова свистят орудия смерти и страданий, снова льется честная, невинная кровь и слышатся стоны и проклятия».

Но вновь и вновь шел на батарею сражаться.

Его, эгоцентрика, обуревали грандиозные идеи. Ему хотелось быть понятным и услышанным, причем немедленно. Творческая натура проявлялась во всем — от рапортов до литературных задумок. Он не сомневался, что положение русской армии в Крыму можно исправить, верил, что только он способен переломить ситуацию. Граф порядком утомил начальство «трактатами»: «Проект о переформировании батарей», «Проект о переформировании армии»... Успевал обычно и драться с врагом, и сочинять.

Первый военкор

В ту пору Лев Толстой уже ощущал себя художником слова. Первая его повесть «Детство» произвела сильное впечатление в писательских кругах. Николай Некрасов называл графа «великой надеждой русской литературы», а Иван Тургенев восклицал: «Вот, наконец, преемник Гоголя, — нисколько на него не похожий, как оно и следовало».

Лев Николаевич хотел даже стать корреспондентом журнала «Современник», едва ли не первым военкором в нашей истории. Некрасов от этого предложения уклонился — по-видимому, считал, что армейские репортажи обостряют и без того непростые отношения с властями. И все-таки Крымская война послужила боевым крещением для русских журналистов-баталистов. В осажденном Севастополе писал очерки Николай Берг, сотрудник журнала «Москвитянин», хотя цензура разрешала публиковать военные материалы только двум изданиям — «Русскому инвалиду» и «Одесскому вестнику». Приходилось хитрить: Берг придавал статьям форму писем, частных посланий, и они преодолевали барьеры.

В похожем амплуа выступал и Толстой. Его «Севастополь в декабре месяце» вышел в июньском номере «Современника» за 1855 год. Некрасов все-таки решился на интригующий анонс «от редакции»: «Автор обещает нам ежемесячно присылать картины севастопольской жизни, в роде предлагаемой. Редакция «Современника» считает себя счастливою, что может доставлять своим читателям статьи, исполненные такого высокого современного интереса». Рассказ спешно перевели на французский и опубликовали в российской франкоязычной газете «Север». Та выходила в Европе по велению самого императора, знавшего толк в добротной пропаганде.

В «Севастопольских рассказах» Лев Толстой подробно и убедительно, как никто другой до него, показал кровавую изнанку войны. Не случайно начало пове-

А. Столыпин

ствования перенесено в госпиталь, туда, где много несчастных калек. Есть в этих коротких произведениях мысли об абсурдности мировой бойни, о тщеславии политиков и полководцев, однако и патриотический настрой явно присутствует.

После воцарения Александра II, когда система запретов ослабла, в «Современнике» вышел очерк Аркадия Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе. Рассказ участвовавшего в ней». По существу, это было совместное творчество двух друзей. После того боя Толстой записал в дневнике: «Имел слабость позволить Столыпину увлечь меня на вылазку, хотя теперь не только рад этому, но жалею, что не пошел с штурмовавшей колонной».

Герои Крымской войны стали примером мужества и стойкости для всей России. Толстой на черноморском берегу бился на совесть, чудом остался живым. Из осажденного города он писал брату: «Дух в войсках выше всякого описания... Только наше войско может стоять и побеждать (мы еще победим, в этом я убежден) при таких условиях». Такую — непобедимую — Россию он впоследствии покажет в «Войне и мире».

У. СИМПСОН. «СРАЖЕНИЕ НА РЕКЕ ЧЕРНОЙ»

Лев Николаевич не гнался за наградами, ратными почестями, и тем не менее за «нахождение во время бомбардирования на Язоновском редуте 4-го бастиона, хладнокровие и распорядительность для действий противу неприятеля» получил чин поручика и орден Св. Анны IV степени, с которого начинались едва ли не все славные военные биографии той эпохи.

Да забыли про овраги

В Крыму он невольно стал, по сути, основоположником массового искусства, которое в XX веке прозвали бардовской песней. Толстой, насмешливо относившийся к поэзии, написал, кажется, всего лишь несколько стихотворений. Одно из них стало всенародно известным, хотя автора назовет не каждый. Сколько раз мы в различных обстоятельствах декламировали:

*Гладко вписано в бумаге,
Да забыли про овраги,
А по ним ходить...*

Родились эти строчки в Крыму и были посвящены трагическому сражению на реке Черной в августе 1855 года. Бой развернулся возле моста, неподалеку от трактира. Поэтому иногда стих называют «Сражением у трактирного моста». Это стилизация солдатской песни с изрядной добавкой горькой сатиры:

*Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
Горы отбирать.*

Песню запрещали, но изъять ее из армейского обихода не смогли. Бывало, и сам Толстой пел ее, сопровождая себя на фортепиано. Самое интересное, что даже Александр Герцен, пребывавший в эмиграции, считал те стихи народными.

Грустный сарказм понятен: ошибки генералов обходились слишком дорого, в том бою русская армия понесла огромные потери: 260 генералов и офицеров, более 8 тысяч нижних чинов. Суворов, Ушаков и Скобелев за десятилетия службы не потеряли столько солдат, как тут не впасть в уныние...

И все же на передовой Толстому быстро удавалось перебороть «мысли черные». Он верил, что в боях выковывается счастливое будущее России, надеялся, что герои Севастополя сумеют преобразить не только армию, но и страну. В дневнике рассуждал так: «Велика моральная сила Русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к Отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы. Они с большим достоинством и гордостью будут принимать участие в делах общественных, а энтузиазм, возбужденный войной, оставит навсегда в них характер самопожертвования и благородства». Не для прессы — для себя написано.

В Севастополе Толстой побывал и капитаном Тушиным, и Андреем Болконским, ежедневно встречал Долоховых, Ростовых, Каратаевых. В его творческой лаборатории крымские впечатления стали не только материалом для батальных сцен, но и основой мировоззрения. Многие замечали, что герои 1812 года у Льва Николаевича рассуждают и беседуют, как офицеры времен Восточной войны.

Именно в Крыму, под английскими бомбами, он принял решение посвятить себя литературе. В этом — тоже логика парадокса. Наш национальный гений признавался: «Военная карьера — не моя, чем раньше я из нее выберусь, чтобы предаться литературной, тем будет лучше». Но война не оставляла. Снова и снова Толстой возвращался к батальным темам, пытаясь разгадать тайный смысл мировых потрясений.

Севастополь в огне

В 1899-м он оплакивал друга: генерал Столыпин умер незадолго до своего 77-летия. Имя его сына в дополнительных представлениях не нуждается. В 1906-м, когда Петр Аркадьевич возглавил МВД и кабинет министров, Лев Толстой пребывал в оппозиции не только к правительству, но и к самой идее государства. В одном из сердитых писем к премьеру Лев Николаевич было оговорился: «То, что вы сын Аркадия Дмитриевича, вызывает во мне невольно исключительно добрые к вам чувства». Но потом вычеркнул этот — слишком личный — пассаж. В 1908-м Столыпин не утвердил предложение городской думы Севастополя об избрании Толстого почетным гражданином города русских моряков. К тому времени имя мятежного графа стало слишком одиозным. Он, казалось, отрекся от былых патриотических чувств. Но — до конца ли?

После несчастливой войны Толстой не раз возвращался в Крым, и не только мысленно. В 1902-м в Гаспре он сильно простудился. Врачи уже не верили, что граф выживет. А он знай себе хрипел в горячечном бреду: «Севастополь в огне... Севастополь в огне...» То трагическое видение было с ним всегда, хотя вслух говорить об этом отставной офицер не любил. Как все настоящие фронтовики.

Ф. Рубо. «БОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ 1854—1855 ГГ.»

Символ веры

В. САЗОНОВ. «СВЯТЫЕ КОНСТАНТИН И ЕЛЕНА». 1870

Евангелие от Елены

Валерий Шамбаров

Воздвижение Креста Господня, ежегодно отмечаемое 27 сентября, из двенадцатых (двенадцати главных) православных праздников несколько выделяется. Все остальные отражают важнейшие события в земной жизни Спасителя, Пресвятой Богородицы, ниспослание людям Святаго Духа. Этот же праздник как бы установил связь между Небесной и земной, царской властью.

ЖИЗНЕННЫЙ путь святой равноапостольной царицы Елены был очень нелегким. Она происходила, по сути, из низов: отец содержал трактир и станцию, на которой перепрягали лошадей — в селении Дрепан, в малоазиатской Вифинии. Дочь помогала родителю, подавала путникам еду. Одним из них, судя по всему, оказался в назначенный PROVIDЕНИЕМ час знатный военачальник Констанций Хлор, обративший внимание на красивую девушку. Неизвестно, стала ли Елена его полноправной женой или являлась конкубиной (в римском праве это означало согласие на «незарегистрированный» брак). Констанций занимал пост наместника Далмации, и здесь, в городе Наисс (Ниш), около 272-го у них родился сын, будущий Константин Великий.

В 285 году император Диоклетиан повел реформы государственного управления. Разделил державу на две части, в них правили два «августа», старший и младший. Запад он отдал своему приближенному Максимиану. Августы обязывались назначать себе помощников — цезарей, а после 20 лет правления передать им власть. Констанций Хлор успел отличиться в войнах и в 293 году получил предложение занять пост цезаря, но с условием — разойтись с Еленой и жениться на падчерице Максимиана.

Это был тяжелейший удар для супруги и сына, более двух десятков лет проживших с Констанцием под одной крышей. Юноша начал военную карьеру не под началом отца, а на востоке, в войсках Диоклетиана, и находился тогда в Вифинии, на родине матери, куда та, вероятно, вернулась после развода.

В 305-м Диоклетиан и Максимиан, как и предписывала новая система, подали в отставку. На их места заступили цезари, Констанций Хлор и Галерий, а те, в свою очередь, должны были назвать заместителей. Первый сделал выбор в пользу любимого сына.

Отец, снискавший огромный авторитет у жителей Галлии и Германии, уже был тяжело болен и в 306-м скончался. Легионы провозгласили Константина августом, но восточный властитель Галерий этому воспротивился и отправил на запад своего ставленника Лициния. Надумал вернуться к власти и ранее отрекшийся Максимиан. Он выдвинулся в правители вместе с сыном Максенцием. Так в государстве оказалось пять императоров, начались гражданские войны.

Мудрая политика Константина обеспечила ему мощную поддержку западных провинций и войск. Согласно преданию, накануне решающей битвы с Максенцием ему явился во сне Христос, велевший начертать на щитах и знаменах греческие буквы ХР, на небе невидимая рука вывела Крест с надписью «Сим победиши!». После победы Константин встретился в Милане с Лицинием и настоял на принятии эдикта

о легализации христианства. Формально все вероисповедания объявлялись равноправными, христианам возвращалась собственность, конфискованная в кампаниях гонений, церковь и клир освобождались от налогов и повинностей.

Евсевий Кесарийский писал, будто Елена обратилась к Христовой вере под влиянием сына. Но такое свидетельство могло быть и обычной лестью по отношению к императору. Еще современники Констанция Хлора отмечали доброту и лояльность последнего в отношении христиан, а историк Евтропий сообщал, что среди них была в то время и святая равноапостольная Елена. Константин Великий принял святое крещение лишь перед собственной кончиной, в 337-м.

После победы над Максенцием и другими соперниками он поделил империю с Лицинием, взяв себе западную часть. Для матери выделил большое поместье в Риме, и в одном из помещений ее дворца была устроена христианская церковь, Еленинская базилика. Государь глубоко чтит, что его родила и воспитала, в 318–319 годах появились монеты с ее изображением.

Как бы то ни было, союз с Лицинием почти сразу же перешел в соперничество и вражду. Причем в восточной части империи это сопровождалось очередными жесточайшими репрессиями против христиан. Грянули и новые войны. Константин одержал верх, в 324-м стал единовластным правителем империи.

Христианство фактически приобрело статус государственной религии. Император разослал местным властям «Поучение об идолопоклонничестве заблуждении», запретил чиновникам приносить языческие жертвы, на важные должности стал назначать веровавших во Христа. А церковь превращал в свою духовную и политическую опору, созвал I Вселенский Собор в Никее, сам же на нем председательствовал и говорил иерархам: «Вы — епископы внутренних дел Церкви, я — поставленный от Бога епископ внешних дел». Получив единоличную власть, «венчал он цар-

Икона Воздвижения Креста Господня, середина XVIII в.

СИМВОЛ ВЕРЫ

ским венцом богомудрую мать свою Елену». И начал строить новую, христианскую, столицу империи — Константинополь, причем поблизости от родного селения матери.

Она была уже в преклонном возрасте, приближалась к 80-летию. Но Господь сберег ей достаточно сил для последнего, самого главного дела ее жизни. В 326 году царица отправилась на Святую Землю. Сын предоставил ей, по сути, неограниченные средства и огромные полномочия. К примеру, иудейское сочинение «Тольдот Иешу» называло ее правительницей Иерусалима, сравнивало с Понтием Пилатом.

Паломничества в Палестину к тому моменту уже давно осуществлялись, но за три века, минувшие после земной жизни Спасителя, многое изменилось. Прежних селений, строений не существовало, Иерусалим оказался разрушен до основания, затем отстраивался заново. Где-то прокладывались новые дороги, срывались холмы, разрастались деревья и кустарники. Приезжим приходилось расспрашивать местных жителей о том, где находились прежде те или иные святыни. А устная память ненадежна. «Хронография Феофана» сообщает: Елена «во сне имела видение, в котором ей повелевалось отправиться в Иерусалим и вывести на свет божественный места, закрытые нечестивыми».

Цель путешествия — четкая географическая привязка Священного Писания, подтверждение текстов для сомневающихся, создание своеобразного «пятого Евангелия», чья правда выражается не словами, а обозначением конкретных мест, где ступали Спаситель и святые, происходили ключевые события Ветхого и Нового Заветов. Поездка сопровождалась молениями, щедрой раздачей милостыни. У Господа спрашивали благословения на великое дело.

В Иерусалиме царицу торжественно встретил патриарх Макарий, который стал сподвижником в ее миссии. По перечню храмов, построенных или заложенных святой Еленой, видно, что им удалось разыскать и увековечить: Вифлеем — родина Христа, Гефсимания — территория Его моления перед арестом, гора Фавор — место Преображения Господня, берег Тивериадского озера — участок суши, на котором Он проповедовал; Вифания связана с гробницей воскресшего Им Лазаря, Елеонская гора — с Его Вознесением; в Хевроне Бог явился Аврааму, на Синае — Моисею в Неопалимой Купине...

Основными тем не менее стали кропотливые раскопки на Голгофе. Здесь обнаружилась пещера Гроба Господня. Неподалеку нашли яму, в которой были свалены три креста, засыпанных мусором. По некоторым сведениям, над ними было устроено языческое капище, а святая Елена его порушила. Вместе с крестами откопали четыре гвоздя, табличку с надписью INRI — аббревиатурой из латинских слов «Иисус Назорей Царь Иудейский».

А. ГАЛДИ. ФРЕСКА ИЗ БАЗИЛИКИ САНТА-КРОЧЕ. ОК.1380. ФРАГМЕНТ

Иерусалим.
Храм
Гроба Господня

ФОТО: КРИСТИНА АФАНАСЬЕВА/РИА НОВОСТИ

Свод Храма
Гроба Господня

ФОТО: СЕБАСТЬЯН ШЕЙНЕР/АР/ТАСС

ФОТО: СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ/РИА НОВОСТИ

Патриарх Кирилл в Крестовоздвиженском соборе Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря. 2009

Предание гласит: способ определения из трех крестов именно того, на котором распяли Спасителя, предложил патриарх. По очереди, с молитвами, их возлагали на тяжело больную женщину, и от одного Креста она исцелилась. Елену, Макария и их помощников этот факт настолько воодушевил, что ритуал испробовали еще раз. Мимо несли умершего, когда же на него возложили орудие Христовой казни, покойник ожил, из-за чего Крест в дальнейшем стали именовать Животворящим. Господь ясно указал: через этот Крест для людей открылась дорога не к смерти, а к светлой, вечной жизни.

Потрясающие чудеса наблюдало великое множество народа, люди рассказывали об увиденном своим знакомым. Отовсюду стали стекаться толпы, и возможность прикоснуться к Кресту была далеко не у всех. Макарий несколько раз поднял (воздвиг) его, направляя в разные стороны. Отсюда и название — Воздвижение. Сам же Крест святая Елена разделила надвое. Одну часть оставила в Иерусалиме как свидетельство Евангельского Подвига, другую (и два из четырех гвоздей) отвезла сыну, освятив таким образом его царствование.

На месте, установленном матерью, Константин Великий повелел возвести большой храм Воскресения Господня, охватывающий и

Царица была уже в преклонном возрасте, приближалась к 80-летию. Но Господь сберег ей достаточно сил для последнего, самого главного дела ее жизни

Гроб, и Голгофу. Он был освящен 13 сентября (ст. ст.) 335 года, а на следующий день, 14 сентября, назначили дату праздника Воздвижения. До завершения грандиозного строительства святая равноапостольная Елена не дожила. Но то, что в иудейской хронике ее сравнили с Понтием Пилатом, не лишено некоторого основания. В лице известного прокуратора Рим послужил орудием синедрона для расправы над Христом. Через Елену императорская власть принесла покаяние и сама предалась воле Спасителя.

Интересно выстроить двенадцатые праздники не по датам в церковном календаре, а по хронологии событий, которые они отражают. Первым идет Рождество Пресвятой Богородицы, одиннадцатым — Ее Успение, когда Христос, уже Воскресший и Вознесшийся, забирает к Себе Свою Мать. Двенадцатый праздник — Воздвиже-

ние: Господь, причем опять через родительницу, на сей раз царскую, облакает Своей властью на земле христианского монарха.

Высокий смысл торжества еще раз наглядно подтвердился в VII столетии. Персидский шах Хосров разграбил Иерусалим и увез оттуда великую святыню. Защитницей Креста вновь выступила царская власть: император Ираклий, разгромив персов, внес его в храм на собственных плечах и воздвиг на прежнем месте.

27 сентября православный люд отмечает праздник Креста как главного символа христианства. Святая Елена в свое время обрела его не только для сына — для всех верующих. Первыми при виде чудеса ему поклонились жители Иерусалима: когда патриарх его воздвигал, люди падали ниц, восклицая: «Господи, помилуй!» За ними под сень Животворящего Креста стали приходить остальные подданные империи, иные страны и народы.

В этот день устанавливается строгий пост, но праздник — не печальный, а радостный. Ведь Крест — символ преодоления, как указал Господь св. Константину Великому — «Сим победиши!». Это знак победы даже над смертью (чему стала свидетельницей царица Елена), триумфа в схватке с темными силами зла, которые сокрушил Спаситель, принесся добровольную Жертву. Поэтому на Руси Воздвижение всегда отмечали торжественными богослужениями, крестными ходами. Люди рисовали кресты на воротах, дверях, в жилых помещениях, подкладывали маленькие крестики из палочек в ясли скотине...

Получив благодать Животворящего Креста в храме, несли ее по дворам и домам для обережения от врагов, напастей, болезней, нечисти. Как говорил святой Андрей Критский: «Крест воздвигается, и все верные стекаются, Крест воздвигается, и град торжествует, и народы совершают празднество».

Имена и даты

Г. САВИЦКИЙ. «ЧТЕНИЕ СТИХОВ. КНЯЖНА Н. ЧАВЧАВАДЗЕ И А. ГРИБОЕДОВ»

3 сентября

190 лет назад состоялось бракосочетание Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе

ИХ **ВЗАИМНАЯ** любовь вспыхнула мгновенно. Известный дипломат, писатель, успевший к 33 годам несколько разочароваться в женщинах, по пути в Персию заглянул в усадьбу к давнему другу, где встретил юную красавицу — ее он некогда учил играть на фортепиано. Несколько позже признавался в одном из писем: «За столом сидел против Нины Чавчавадзе... Все на нее глядел, задумался, сердце забилось... Выйдя из-за стола, я взял ее руку и сказал: «Пойдемте со мной, мне нужно кое-что сказать вам»... Мы вошли в комнату, щеки у меня разгорелись... Не помню, что начал ей говорить, и все живее, живее. Она заплакала, засмеялась, и я поцеловал ее».

Через два месяца после знаменательной встречи та, чьей благосклонности тщетно добивались многие завидные кавалеры (среди них — Сергей Ермолов, сын знаменитого генерала, наместника Кавказа), стала женой Александра Грибоедова. Но счастье оказалось недолгим.

Полномочный министр его императорского величества в Персии должен был отправляться к месту службы, поэтому в имении, в Цинандали, молодые супруги провели всего неделю: предстояла трудная дорога через горы на чужбину — Нина последовала за мужем. И все-таки им пришлось расстаться. Александр Сергеевич отправился в персидскую столицу, жена осталась ждать его в резиденции в Тавризе. Молодожены обменивались нежными посланиями, надеялись на скорую встречу. Покуда в Те-

Эдуард Асадов

ФОТО: В. ГАЙКИНИ/РИА НОВОСТИ

геране не вспыхнул бунт... Грибоедов погиб. Нина, храня верность супругу, носила траур до конца своих дней. Ее прозвали «черной розой Тифлиса».

7 сентября

95 лет со дня рождения Эдуарда Асадова

ЧЕРЕЗ неделю после школьного выпускного вечера началась Великая Отечественная, и вчерашний десятиклассник добровольцем ушел на фронт. В боях за Севастополь получил тяжелое ранение. Двадцать шесть суток врачи боролись за его жизнь. Спасли, однако с горечью констатировали: «Впереди будет все. Все, кроме света». Но и ослепнув, Асадов продолжал многое видеть, сочинял как будто незамысловатые и в то же время очень красивые, добрые, нежные строки. «Любить — это прежде всего отдавать. / Любить, значит чувства свои, как реку, / С весенней щедростью расплескать / На радость близкому человеку».

Его первый сборник получил символическое название «Светлая дорога». Таким и выдался творческий путь поэта, благородного и великодушного, отвергавшего цинизм и холодный расчет. Эдуард Аркадьевич верил в торжество справедливости, а соотечественникам давал простые и мудрые советы:

*И чтоб сердцу не было морозно,
Сколько бы ты бед ни натворил —
Никогда не рано и не поздно
Повиниться честно и серьезно
В зле, что ты когда-то совершил.*

7 сентября

90 лет назад был учрежден орден Трудового Красного Знамени СССР

НАГРАДА учреждалась постановлением ЦИК и Совнаркома «для ознаменования исключительных заслуг перед Союзом в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы».

Выглядел этот выполненный из серебра орден совсем не так, как его более поздние (и привычные для нас) варианты, но своего предназначения с тех пор и до конца советской эпохи не утратил.

Первыми кавалерами стали механики Военно-воздушных сил, принявшие активное участие в спасении экспедиции Умберто Нобиле, которая попала в беду близ полярного острова Шпицберген.

Орден Трудового Красного Знамени № 1 вручили коллективу ленинградского завода «Красный Путиловец» (позже стал Кировским). В марте 1929-го такой же награды удостоилась вдова Владимира Ульянова-Ленина Надежда Крупская.

В годы Великой Отечественной войны этим высшим знаком трудового отличия отмечали подвиги в тылу не только взрослых, но и детей. Последнее награждение орденом состоялось 21 декабря 1991 года, за четыре дня до того, как единственный в истории президент СССР объявил о прекращении своей деятельности на посту главы союзного государства.

15 сентября

190 лет со дня рождения Александра Бутлерова

ОН ПРОСЛАВИЛСЯ прежде всего как создатель теории химического строения органических веществ, основатель «бутлеровской школы».

Александр Михайлович читал в Казани общедоступные лекции, чью популярность можно было сравнить с удачными театральными премьерами. Громадным успехом — не только в России, но и за рубежом — пользовался его фундаментальный труд

«Введение к полному изучению органической химии» в трех томах.

Бутлеров стал лауреатом Ломоносовской премии, был избран профессором химии Петербургского университета, разработал новую методику обучения студентов. Внедрил распространённый ныне лабораторный практикум, где учащиеся осваивают навыки работы с разнообразной химической аппаратурой.

Получил большую известность и как пчеловод. Его книга «Пчела, ее жизнь и главные правила толкового пчеловодства: краткое руководство для пчеляков, преимущественно для крестьян» выдержала немало изданий. Но и это не все. Ученый ярко проявил себя как лепидоптеролог (специалист по бабочкам), садовод, чаевод. Наверняка дремали в нем и другие способности.

18 сентября

100 лет со дня рождения Виктора Талалихина

ЛЕТЧИК, чье имя навечно осталось в списке 1-й эскадрильи 177-го истребительного авиаполка, родился в Тепловке Вольского уезда Саратовской губернии. Его недолгая жизнь вместила две войны: вначале — зим-

ФОТО: Ю. ГУРЬЕВ/РИА НОВОСТИ

Александр Бутлеров

Виктор Талалихин

Полина Осипенко, Валентина Гризодубова и Марина Раскова

Александр Алов

ние воздушные сражения над финскими лесами и первые сбитые самолеты, затем — самые тяжелые недели Великой Отечественной. В начале августа, ночью, он пошел на таран и сбил в московском небе вражеского бомбардировщика. Храбрецу тогда удалось спастись. Его подвиг вдохновил миллионы людей на фронте и в тылу: в те дни, когда гитлеровцы рвались к советской столице, он личным примером доказывал — их можно побеждать и на земле, и в воздухе.

«Я надеюсь, что самолет, сбитый в ночь на 7 августа, — далеко не последний в моем послужном списке. Рука скоро заживет», — писал Герой Советского Союза младший лейтенант Талалихин в статье, вышедшей в «Известиях» и десятках армейских газет.

Несколько недель провел в госпитале и за это время снялся в «Боевом киносорнике». А потом вернулся на фронт, защищал Москву. После легендарного тарана сбил еще пять самолетов люфтваффе. 27 октября 1941 года на подступах к столице, в воздушном бою над Подольском погиб — с твердой верой в грядущую Победу.

25 сентября

80 лет назад завершился беспосадочный полет на Дальний Восток советского женского экипажа

ИХ ИМЕНА прогремели на весь мир. Командир Валентина Гризодубова, второй пилот Полина Осипенко и штурман Марина Раскова на самолете АНТ-37бис «Родина» без посадок долетели из Москвы в район Комсомольска-на-Амуре, установив женский мировой рекорд дальности — 6450 км (по прямой — 5910 км). Им удалось превзойти достижение американок более чем на полторы тысячи километров. Причем самолет был отечественный — созданный в фирме Андрея Туполева по проекту Павла Сухого.

Рейс длился 26 часов 29 минут. Погода выдалась облачная. Радиоприборы не действовали, и девушкам пришлось лететь вслепую, преодолевая обледенение. Когда бензина осталось на полчаса, Гризодубова приняла решение садиться в тайге с убранным шасси, но перед этим приказала Расковой прыгать с парашютом, чтобы в случае катастрофы хотя бы одна участница экипажа выжила. АНТ приземлился на болота в верховье реки Амгуни. У пилотов имелся запас продуктов на несколько дней.

На «большой земле» точного места посадки никто не знал, больше недели искали «Родину», но все завершилось благополучно. 3 октября экипаж обнаружили, хотя вывезти героинь из тайги оказалось делом крайне непростым. На выручку по Амгуни пришел катер «Дальневосточный».

Москва встречала «крылатых дочерей» как триумфаторов. 2 ноября 1938 года Гризодубовой, Расковой и Осипенко были присвоены звания Героев Советского Союза. Они стали первыми женщинами, удостоенными этой награды.

Самолет-рекордсмен подремонтировали, и он еще несколько лет служил верой и правдой гражданской авиации.

26 сентября

95 лет со дня рождения Александра Алова

ЕГО МАМА заведовала в 30-е Центральной детской библиотекой, что гарантировало мальчику недюжинный кругозор и любовь к хорошей литературе. Прошел Великую Отечественную, несмотря на контузию, ранение в голову и тысячи километров под шквальным огнем.

Пять лет ВГИКа в мастерской Игоря Савченко превратили героя-фронтовика в профессионального режиссера. В соавторстве с Владимиром Наумовым Алов удивлял страну и мир сначала открытиями в области поэтического кинематографа — на материале революции и боевых сражений («Тревожная молодость», «Павел Корчагин», «Ветер», «Мир

входящему»), а затем — масштабными экранизациями Михаила Булгакова («Бег») и Шарля де Костера («Легенда о Тиле»). Соавторы органично сплели в «Тегеране-43» историческую хронику с мелодрамой и шпионским боевиком. Работы Алова были основательны и аналитичны, а его воля к изобретению художественных форм и умение подкрепить строгий концепт эмоцией восхищают по сей день.

28 сентября

245 лет назад началось восстание под предводительством Емельяна Пугачева

ДАТУ начала событий истории относят, как правило, к моменту выхода первого манифеста самозванца, его «царского указа», обращенного к яицким казакам. О фигуре и изначальной мотивации главаря повстанцев в нашей исторической публицистике до сих пор ведутся споры. Кто-то считает его талантливым авантюристом, харизматической личностью. Другие, скорее, склонны полагать, что он являлся марионеткой в чужих руках — даже у Пушкина во время его работы над «Историей Пугачевского бунта» такие подозрения закрадывались.

Так, в «Замечаниях о бунте» Александр Сергеевич задается вопросом: «Кто были сии смышленные сообщники, управлявшие действиями самозванца? — Перфильев? Шигаев?» А в главе четвертой отмечает, что «в Европе принимали Пугачева за орудие турецкой политики», приводит слова Вольтера, писавшего Екатерине II: «По-видимому, этот фарс разыгрывается по воле шеваляе де Тотта» (имеется в виду француз, интриговавший совместно с османом против России).

Как бы там ни было, пугачевское восстание не могло не повлиять на итоги Русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Не будь этой смуты, победа над османами оказалась бы еще более внушительной.

28 сентября

235 лет со дня рождения кавалерист-девицы Надежды Дуровой

ОНА ИЗБРАЛА военную стезю, чтобы «выйти из сферы, назначенной природою и обычаями женскому полу» и служить Родине на боевом поприще.

В 18 лет ее выдали замуж, через год родился сын. Но семейная жизнь не заладилась. Надежда вернулась в родительский дом и вскоре решила осуществить давнюю мечту. В день своих именин обрезала косы, переделавшись в мужское платье и прискакала на Алкиде в полк, остановившийся в 50 верстах от города. Назвалась мужским именем, поступила на службу. Храбро сражалась при Гутштадте, Гейльсберге, Фридланде. За спасение раненого офицера была представлена к Георгиевскому кресту.

Презирала опасность, никогда не жаловалась на тяготы походной жизни. Ее кредо звучало так: «Неустрасимостью первое и необходимое качество воина, с неустрасимостью неразлучно величие души, и, при соединении этих двух великих достоинств, нет места порокам или низким страстям». Когда инкогнито раскрыли, восхищенный император Александр разрешил Дуровой остаться в армии, даровав ей новое, мужское имя.

В 1812 году гусар Александр Александров участвовал в конной атаке под Смоленском, сражался на Бородинском поле, служил ординарцем у самого Михаила Кутузова, а потом участвовал в Заграничных походах русской армии.

Выйдя в отставку, «кавалерист-девица» ярко проявила себя и в другой сфере — литературной. Ее «Записки» имели оглушительный успех, были высоко оценены Пушкиным: «Живо, оригинально, слог прекрасный». Надежда Дурова издала несколько романов, каждый из которых критики встречали восторженными отзывами, отмечая простоту слога и оригинальность содержания.

В. ПЕРОВ. «СУД ПУГАЧЕВА». 1879

В. ГАУ. «ПОРТРЕТ НАДЕЖДЫ ДУРОВОЙ». 1837

Наука побеждать

А. БЛИНКОВ. «СРАЖЕНИЕ У ОСТРОВА ТЕНДРА», 1855

Борт номер один

Сергей Александров

История русского Крыма и судьба Черноморского флота — понятия не просто близкие, а почти тождественные. Не зря же гимном Севастополя служит песня: «Легендарный Севастополь, неприступный для врагов. Севастополь, Севастополь — гордость русских моряков!» А 235 лет назад, аккурат в сентябре, был спущен на воду первый линейный корабль — «Слава Екатерины». Черное море тогда вновь, как и во времена Вещего Олега, становилось Русским. Боевая история севастопольского первенца оказалась сравнительно краткой, вместились в одно десятилетие. Но это было славное время. И список морских викторий, к которым причастен парусник, впечатляет.

Детище Потемкина

В екатерининскую эпоху торжествовал принцип Петра Великого: «Всякий potentat, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Отцом Черноморского флота по праву считается Григорий Потемкин. Князь создавал его спешно, ибо прекрасно понимал: не за горами новая война с Турцией. Великолепно оснащенные — с британской и французской помощью — османские эскадры десятилетиями хозяйничали на наших южных морских рубежах.

Автором проекта корабля, который призван был возглавить Черноморскую флотилию, стал выдающийся корабельный мастер Александр Катасанов. Этот самородок строил суда с тринадцати лет. Именно он предложил в свое время использовать медную обшивку для подводной части парусника, внедрил и много других ценных новшеств.

Потемкин в ту пору ходатайствовал перед императрицей о производстве «честного человека» подполковника Катасанова в полковники. Александр Семенович стал ведущим корабельным мастером адмиралтейского правления. Через несколько лет по его чертежам создавали еще четыре однотипных судна: кроме «Славы Екатерины» — «Святой Павел», «Мария Магдалина», «Александр» и «Святой Владимир».

Корабль, которому дали имя императрицы, строили на совесть. Три года мастера во главе с Семеном Афанасьевым трудились на Херсонской верфи, и наконец 27 (16) сентября 1783 года первенец Черноморской эскадры сошел со стапелей, чтобы вскоре встать на вахту в Севастопольской бухте. Величественный парусник мог принять на борт от 66 до 76 орудий. В относительно мирное время экипаж составлял 476 человек, в военный период — на 100–200 больше. Первым командиром назначили сербского графа Марко Войновича, опытного мореплава-

В. НЕСТЕРЕНКО. «ТРИУМФ ЕКАТЕРИНЫ», 2007

Ф. Ушаков

теля, недурно проявившего себя еще во время первой — при матушке-Екатерине — Русско-турецкой войны. В прошлом историки частенько представляли этого уроженца Балкан бесцельным и трусоватым флотоводцем. Да, он не выдерживал сравнения с великим Ушаковым. Но Графская пристань в Севастополе названа в честь Войновича, и в славной истории Черноморского флота он отнюдь не пятое колесо в телеге.

В мае 1787-го город моряков посетила путешествовавшая по югу России государыня. Императрица проявила особый интерес к кораблям, уделив особое внимание своей «Славе». В письме к немецкому дипломату и мыслителю Фридриху фон Гримму не преминула восхититься преображением Крыма

и рождением флота: «Здесь, где тому назад три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию, довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость».

Атакуйте во что бы то ни стало

С первых дней войны с турками 1787–1791 годов «Слава Екатерины» являлась флагманом нашей эскадры на Черном море. Григорий Потемкин напутствовал капитана Войновича: «Где завидите флот турецкий, атакуйте его во что бы то ни стало... хотя бы всем погибнуть, но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля».

Морская стихия оказалась опаснее неприятельских пушек. В сентябре 1787-го эскадра едва не погибла в бурю. Шторм продолжался пять суток. Фрегат «Крым» затонул, а «Марию Магдалину» ветер гнал до Босфора, и там она попала в турецкий плен. Ценой героических усилий русским удалось спасти основную часть своих кораблей. «Слава Екатерины» потеряла все три мачты, но в остальном была сохранена и приведена в Севастополь. Хотя до Потемкина дошли панические слухи о крушении всей эскадры...

Григорий Александрович впал в отчаяние: шло прахом дело его жизни. Императрице писал: «Матушка Государыня, я стал несчастлив. При всех мерах возможных, мною предпринятых, все идет наыворот. Флот севастопольский разбит бурей; остаток его в Севастополе — все малые и ненадежные суда, и лучше сказать, неупотребительные. Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки».

Баловень судьбы подумывал об отставке: «Спазмы мучат, и ей-Богу, я ни на что не годен. Теперь нужна холодность, а меньше большая чувствительность, какова во мне. К тому же,

Боже сохрани, ежели бы сделалась какая потеря, то, если не умру с печали, то, наверно, все свои достоинства я повергну стопам твоим и скроюсь в неизвестности. Будьте милостивы, дайте мне хотя мало отдохнуть».

Тревога-печаль охватила и русскую Афины Палладу. До нее дошел слух о том, что после шторма ее «Слава» оказалась у неприятеля. Царица рекомендовала Потемкину: «Пожалуй, переименуй сей корабль, буде он у нас. Не равен случай, не хочу, чтоб злодеи хвастались, что «Слава Екатерины» в их руках». Князь Таврический не стал спорить, и с 1788 года парусник звался «Преображением Господним».

С Божьей помощью

Боевым крещением для эскадры, которой командовал Войнович, стало сражение у острова Фидониси в июле 1788-го. Здесь впервые проявился флотоводческий талант Федора Ушакова. Севастопольцы встретились с турками неподалеку от устья Дуная. Те значительно превосходили по количеству пушек: 1100 против 550. К тому же располагали орудиями большего калибра. Битва началась с бесшабашного нападения османов на наш авангард. Правила морского боя предписывали флагману находиться в центре линии. Ушаков же на борту «Святого Павла» (находился в авангарде) возглавил контратаку. Этим приемом он и впрямь будет ставить в тупик бывалых турецких мо-

ряков. Что же касается «Преображения Господня», то на его счету в том сражении — потопленная турецкая трехмачтовая шебека и серьезный урон, нанесенный двум адмиральским кораблям противника.

Уж тут Екатерина ликовала: «Действие флота Севастопольского меня много обрадовало: почти невероятно, с какою малою силою Бог помогает бить сильные Турецкие вооружения! Скажи, чем мне обрадовать Войновича? Кресты третьего класса к тебе уже посланы, не уделишь ли ему один, либо шпагу?»

Марко Войнович получил орден Святого Георгия III степени. Ушаков навсегда заслужил доверие Потемкина. Та битва не оказала решающего влияния на ход войны, однако русские моряки никогда не забудут Фидониси — ведь там была одержана первая победа Черноморского флота!

В следующей баталии эскадру возглавлял уже сам Ушаков. Турки готовили десант в Крым. Будущий великий адмирал надеялся перехватить их флот после выхода из Анапы, преградить ему путь в Азовское море и к Крыму. По канонам линейной тактики следовало начать обстрел «на якорях», однако Ушаков рискнул провести сражение под парусами. Он приказал фрегатам выйти из общей линии строя, образовать резерв, чтобы использовать его в решающий момент.

Главную роль сыграл корабль «Преображение Господне». Его команда проявила высочайшее мастерство

в прицельной стрельбе — турки попали под огонь с русского флагмана. Только быстроходность их судов позволила им спастись. О высадке на крымской земле враг уже не помышлял.

А Федор Федорович рапортовал: «Я сам удивляюсь проворству и храбрости моих людей. Они стреляли в неприятельские корабли не часто и с такой сноровкой, что, казалось, каждый учится стрелять по цели, сноровливая, чтобы не потерять свой выстрел. Прошу наградить команду, ибо всякая их ко мне доверенность совершает мои успехи; равно и в прошедшую кампанию, одна только их ко мне доверенность спасла мой корабль от потопа, когда штормом носило его по морю». В ответ императрица написала: «Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным».

Через месяц эскадру ждало новое сражение, в котором бывшая «Слава Екатерины» отличилась особо. Основные силы Гусейн-паши располагались в районе нынешней Одессы: 14 линейных кораблей, восемь фрегатов, больше двадцати других посудин. Когда турки обнаружили русских, идущих под парусами тремя колоннами, атаковать не решились. Ушаков по-суворовски использовал фактор внезапности. Османы рубили канаты, беспорядочно отступали, теряя впопыхах остатки воинской дисциплины. Наш строй надвигался как неотвратимое наказание. Неприятельский авангард успел уйти далеко, прочие турецкие суда оказались на грани гибели. Гусейн остановил бегство и попытался организовать построение для новой схватки. В боевой порядок стали и наши корабли. Русский адмирал дирижировал сражением мастерски: легко предугадывал действия противника, молниеносно реагировал на любой его ход.

«Преображение Господне» устремилось в атаку на мощнейший парусник «Капудание». Турки сражались ожесточенно, но не устояли под огнем, подняли белый флаг. А вскоре их корабль потонул — вместе с казной и сотнями моряков. Капитаном «Преображения Господня» в те месяцы был Яков Саблин, один из наиболее способных и храбрых учеников Ушакова. Саблинские матросы стреляли экономно и точно, никогда не теряли присутствия духа и не проиграли ни одной корабельной дуэли.

В эскадре Ушакова все суда остались целыми. Погибших — двадцать человек, немногим больше — раненых, у турок — свыше двух тысяч убитых. Соотношение потерь — фантастическое. Моряки султана после такой по-

щечины надолго потеряли веру в собственные силы. Хозяничать на Дунае османы далее не могли. В дружеском письме Михаилу Фалееву эмоциональный Григорий Потемкин не скрывал радости: «Наши благодаря Богу такого перцу туркам задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу!»

Проучить русского Ушак-пашу

Последней в этой войне стала битва при Калиакрии. («Красивый мыс» — так это название переводится с греческого — расположен в Болгарии, хорошо известен знаатокам тамошних курортов: до Золотых Песков и Албены оттуда рукой подать.) В помощь туркам подоспело подкрепление из Африки. Предводительствовал у них искусный флотоходец Сеид-Али, выходец из Алжира. Он сплывал своих моряков горделивыми заявлениями, в которых клялся жестоко проучить русского Ушак-пашу.

«Я приведу его в Стамбул, закованного в цепи!»

Ушаков напал неожиданно. Провел свои суда под огнем береговых батарей, между турецкой эскадрой и гаванью. У османов началась паника. С борта «Преображения Господня» наши открыли прицельную, как водится, стрельбу. Сеид-Али попытался «поймать ветер», дабы пойти в атаку. Грозный ответ русских моряков решил судьбу сражения. Турецкий флагман потерял паруса, его палуба запылала. Израненного вражеского адмирала чудом спасли от смерти соратники. А на «Преображении Господнем» почти все осталось в целости и сохранности.

«О великий! Твоего флота больше нет!» —

так паши начали свой доклад султану Селиму III, всерьез опасавшемуся, что Ушаков направит свои силы к Босфору. Турции ничего не оставалось, как повести себя на переговорах в высшей степени осмотрительно. Моряки завоевали для России выгодный и крайне своевременный Ясский мир. В те дни ни у кого не было сомнений: не зря Потемкин затеял строительство Черноморского флота.

«Слава Екатерины», «Преображение Господне» — давным-давно этот боевой корабль не значит в каких-либо реестрах. Но в нашей великой истории он, конечно же, остался — непобедимым защитником Крыма и всей России.

В 1972 году в Херсоне установили памятник славному паруснику. На постаменте выбита надпись: «Здесь в 1783 году построен первый 66-пушечный линейный корабль Черноморского флота «Слава Екатерины».

Памятник первым кораблям в Херсоне

ФОТО: КЛИПНИЦЕР БОРИС/ТАСС

Культурная эволюция

А. КРАЧЕТОВ. «ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ», 1980

Воспитание по Сухомлинскому

Валерий Бурт

Школа в поселке Павлыш была просторной и светлой, с массивными кирпичными стенами и большими окнами. В ней поместилось несколько учительских квартир, в одной из которых получил в 1948-м прописку директор, Василий Сухомлинский. В свой кабинет он входил прямо из классной комнаты — деталь весьма символическая: его жизнь была работой, а работа — жизнью.

Бывший фронтовой политрук с засевшим в груди осколком немецкого снаряда (тоже знак трудной и, увы, скоротечной судьбы) совершенно обычное, казалось бы, учебное заведение на Кировоградчине прославил на всю страну.

Со дня рождения выдающегося советского педагога 28 сентября исполнится ровно сто лет.

ОН ОЧЕНЬ любил поэзию Николая Заболоцкого, особенно строки: «Не позволяй душе лениться! / Чтоб в ступе воду не толочь, / Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь!» Этому правилу Василий Александрович следовал неукоснительно.

Высокий, худощавый, смуглый, с большими темными глазами — в них попеременно отражались то непрошенная грусть, то закономерное беспокойство, а то и светлая радость как итог разрешения очередных проблем — Сухомлинский просыпался ни свет ни заря, в пять утра, иногда и раньше. Три-четыре часа трудился в кабинете и в это самое плодотворное для умственной работы время читал, размышлял, строил планы. Затем обходил школьную территорию. Указывал, что нужно исправить-подправить, где убрать сор, протереть пыль, совещался с сотрудниками и, наконец, встречал учеников. Всех, конечно же, знал по именам. Разговор, как правило, заводил с теми, кто отчего-то грустил, уходил в себя. Находил нужные слова или обращался к учителю: «Мария Ивановна, поговорите с Сережей (Петей, Надей, Зоей). Должно быть, дома у них что-то неладно». И неизменно оказывался прав.

«С детьми нужно быть с утра до ночи, — уверял литератора Григория Медынского. — И в воскресенье нужно быть с ними. Но для меня это не время. Вы знаете, вот сейчас вечер, а мне хочется, чтобы поскорее наступило утро, и чтобы зазвенели снова их голоса».

Он знал назубок всю школьную программу, мог при необходимости заменить любого преподавателя. Его эрудиция, начитанность, владение языками производили сильнейшее впечатление на окружающих — как и щедрость, всегдашняя готовность делиться богатствами накопленных знаний. Любой из учеников, а равно учителей мог запросто прийти к нему домой и взять нужную книгу из огромной, толково собранной библиотеки.

Сухомлинский с его постулатом «Через красивое — к человеческому — такова закономерность воспитания»

создал педагогику, построенную на доверии, взаимопонимании, отрицании жесткого диктата. В этой учебно-воспитательной системе излишней строгости, черствой назидательности противопоставлены душевная чуткость и творческая увлеченность — юные и взрослые здесь, в сущности, равны. Педагог-новатор видел и понимал многое из того, что другие разглядеть, осознать были, похоже, не в силах.

«Учить следует так, чтобы дети не думали о цели, — это облегчит умственный труд», — писал мудрый педагог и стремился сделать так, чтобы стопа учебников на письменном столе не провоцировала скуку, не повергала в уныние. Для первых открытий, которые ждут на пути познания, нужны ясность мысли, уверенность в своих силах — тогда серая обыденность, состоящая из задач и параграфов, превращается в мир, полный увлекательных тайн и загадок, тягость учебы становится радостью.

Школа Сухомлинского являлась именно школой радости. И — замечательных праздников, их там отмечали, как нигде, часто: родного слова, книги, кукол, урожая, цветов... Был, естественно, и праздник матери.

Василий Александрович не ставил плохих оценок, не практиковал каких бы то ни было наказаний. Обидеть школяра — не велика честь, еще хуже — разуверить его в своих силах: у него поначалу «может

что-нибудь не получаться, но придет время — научится». Погоню за хорошими оценками Сухомлинский отождествлял с психозом и принципиально отвергал. Основной стимул учения — не высокий балл, не получение аттестата, а тактично внушенный учителем интерес к новому, неизведанному. Все учились учиться, а еще — быть добрыми, чуткими с людьми и родной природой, любить леса и луга, сады и поля. В этой «школе под голубым небом» директор давал ученикам не менее ценные уроки. Встречал с ними рассветы и закаты, вместе радовались теплоте солнца, белому снегу, щедрому дождю, слушали тихую музыку малороссийских равнин.

«Надо развивать мышление детей, укреплять умственные силы ребенка среди природы — это требование естественных закономерностей развития детского

В. Сухомлинский с детьми

организма. Вот почему каждое путешествие в природу есть урок мышления, урок развития ума. Мы сидим на кургане, вокруг нас звучит стройный хор кузнечиков, в воздухе аромат степных трав. Мы молчим. Детям не надо много говорить, не надо пичкать их рассказами, слово — не забава, а словесное пресыщение — одно из самых вредных пресыщений. Ребенку нужно не только слушать слово воспитателя, но и молчать; в эти мгновения он думает, осмысливает услышанное и увиденное», — автор этих слов справедливо полагал, что из любви к природе родного края вырастает любовь к Отчизне, «самое чистое и самое тонкое, самое возвышенное и самое сильное, самое нежное и самое беспощадное, самое ласковое и самое грозное чувство. Тот, кто по-настоящему любит Родину, — во всех отношениях настоящий человек».

Вся его педагогическая система основана на воспитании доброго и уважительного отношения к человеку — не на словах, на деле. Как-то раз Сухомлинский с учениками посадили куст розы у дома пожилой женщины — на войне погибли четверо ее сыновей. Старейшего колхозника угощали медком, им же потчевали инвалидов-фронтовиков. «С чашечками, наполненными медом, мы ходили от хаты к хате, и чем больше мы отдавали, тем богаче становились души детей», — вспоминал директор. Он зачастую приходил на уроки к другим учителям, слушал, записывал, многое подмечал: как наставник дает задание, как подопечные реагируют, ЧТО отражается в их глазах.

Сполна познавшие тяготы и лишения военного лихолетья ребята видели за свой недолгий век слыш-

ком много жестокости, крови, насилия и слишком мало — ласки, доброго участия. А тут к ним пришел человек, который не бранился и тем паче не распускал руки, но терпеливо слушал, внимал, а главное — все понимал.

Перед тем как предложить тему сочинения, павлышские учителя, в том числе и сам Сухомлинский, собственноручно писали его, а затем показывали школьникам. Но это был всего лишь образец, а не догма. Дети могли подготовить нечто похожее или совсем иное. Важно было самостоятельно думать, анализировать, искать и находить смысл вещей.

Директор вел уроки эстетики, где вдохновенно, образно рассказывал о живописи, литературе, музыке. Направлял детское любопытство так, чтобы оно становилось увлеченностью на всю жизнь, был уверен: в каждом ребенке дремлет творец — поэт, сказочник, художник, надо только выявить эти начала. Выдающийся педагог так и поступал — рекомендовал ученикам чаще сочинять, фантазировать, называл это «эмоциональным пробуждением разума». А еще показывал, как ухаживать за деревьями, кормить птиц и животных, использовать рабочие инструменты. Все в его школе — от мастерских, лабораторий до метеостанции и пасеки — было построено руками школьников и учителей. Каждому ребенку прививалось «желание стать хорошим».

Не надо стыдиться быть тонким, впечатлительным, отзывчивым, полагал Сухомлинский. Пусть стыдятся те, у кого душа «окаменела в нечувствии». «Самое страшное для человека — это превратиться в спящего

с открытыми глазами: смотреть и не видеть, видеть и не думать о том, что видишь, добру и злу внимать равнодушно; проходить спокойно мимо зла и неправды. Опасайся этого, сын, больше смерти, больше любовью самой страшной опасности. Человек без убеждений — тряпка, ничтожество. Раз ты убежден, что на твоих глазах творится зло, пусть сердце твое кричит об этом, борись против зла, добивайся торжества правды».

В его школе учились многим премудростям не только дети, но и родители. Последние посещали курсы психологии и педагогики, чтобы говорить с любимыми чадами на одном языке.

Павлышские ученики были в основном румянными и загорелыми, не болели, не отвлекались по пустякам и не знали скуки. Поэтому педагогическую систему, созданную ее директором, можно счесть не только новаторской, но и во всех смыслах здоровой. Хотя прожил он немногим больше пятидесяти лет. Писатель и публицист Симон Соловейчик нашел этому такое объяснение: «Сухомлинский сам успевал за день — и успел за жизнь — столько, что у обычного человека это вызывает удивление. Кажется, он за день проживал три дня и прожил за жизнь три жизни».

В сравнительно небольшом учебном заведении работало около 80 (!) кружков и объединений. Такое и в наши дни представить себе трудно, а тогда, в тяжелые послевоенные годы, и вовсе казалось невероятным. Старания преподавательского коллектива под началом уникального директора, конечно же, не пропали втуне — выпускники становились студентами вузов, хорошими специалистами, высокими профессионалами и просто достойными людьми.

Когда Василий Александрович прославился на всю страну, он начал часто выступать в прессе, говорил о гуманизме, стремлении к идеалу, стал автором фундаментальных книг о воспитании, средней школе. К его голосу прислушивались коллеги из разных республик и областей Советского Союза.

А в повседневной жизни Сухомлинского практически ничего не изменилось. Так же с рассветом он приходил в школу, обдумывал события дня минувшего и строил планы на день наступивший, встречал учеников, вглядывался в их лица. Название самой известной его книги «Сердце отдаю детям» было не пафосным лозунгом, а настоящим, неизменным кредо.

Увы, объявились и противники-недоброжелатели. В 1967 году в «Учительской газете» вышла статья с воинственным заголовком «Нужна борьба, а не проповедь». Там, в частности, говорилось: «На зло и на правду надо

воспитывать не личный, а классовый взгляд... Вместо конкретной и четкой программы, изложенной в моральном кодексе строителя коммунизма, вводится туманное понятие, именуемое человечностью». Утверждалось, что в отрыве от насущных задач общества, ее, этой самой человечности, не существует. И прозвучало обвинение в «абстрактном гуманизме».

Василий Александрович, только что вышедший из больницы, был ошеломлен. «Один из осколков так и не смогли удалить из моего тела, — признавался он с горечью. — Думаю, что теперь он дойдет до моего сердца».

Сухомлинский позвонил в редакцию, хотел узнать, чем вызваны тон и пафос «разгромной» статьи. Но так разволновался, что горлом пошла кровь, закололо в груди — зашевелился, надо полагать, осколок снаряда, «добытый» в битве под Москвой. Пришлось бросить трубку...

К счастью, довольно быстро нашлись сторонники-единомышленники — прежде всего журналисты самой «Учительской газеты». Они дружно настояли на прекращении оголтелой критики. Возможно, поддержали талантливого педагога и в союзном правительстве.

Как бы то ни было, вскоре после инцидента Сухомлинский был награжден Золотой звездой Героя Социалистического Труда и орденом Ленина, избран членом-корреспондентом Академии педагогических

наук СССР. Ему присвоили звание заслуженного учителя УССР.

Даты его рождения и смерти пришлось на сентябрь, самый главный для педагогов и учащихся месяц. Осенью 1970 года он, уже тяжело больной, встречал свой последний учебный год. «Снова сентябрь, — записал он слабеющей рукой. — Звонок. Дети идут в школу, а я ухожу из жизни».

Увы, в современной России его дельные советы и методики до сих пор — после известных ломок, «реформ» рубежа веков — почти не востребованы. Вспоминают о нем редко и вскользь. Но это вовсе не значит, что его система сегодня неактуальна. Наверное, просто ждет своего часа — когда мы вновь осознаем (а точнее, вспомним), что образование и воспитание юных поколений должны идти рука об руку.

Кое-где за рубежом Сухомлинского по-прежнему читают и почитают. Например, в китайском городе Хуанши открылась Школа радости, носящая его имя. Ученики и учителя поклоняются четырем знаменитым культу прекрасного советского педагога: Родины, матери, родного слова, книги. И это правильно — ибо очень мудро.

«Человек без убеждений — тряпка, ничтожество. Раз ты убежден, что на твоих глазах творится зло, пусть сердце твое кричит об этом, борись против зла, добивайся торжества правды»

Великие реалисты

А. БЕНУА. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К БАЛЕТУ «ПЕТРУШКА», 1911

Смените декорацию

Ксения Воротынцева

140 лет назад, в 1878 году, в Императорской Академии художеств открылась мастерская театрально-декорационной живописи. Его появление инициировал сценограф Матвей Шишков, оформлявший оперы Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова и балеты Мариуса Петипа. Декорационное искусство на рубеже XIX–XX веков переживало в России настоящий бум. В начале прошлого столетия миру был явлен новый театр, где ключевую роль играли наши художники.

Шарлатан, хотя и с блеском...

Уже в XIX веке развитие сценографии достигло впечатляющих результатов. В романтических постановках особое внимание уделялось головокружительным сценическим эффектам. Одним из апологетов подобного подхода был «волшебник русской сцены» Карл Вальц, декоратор Большого театра. Как отмечал известный исследователь Виктор Березкин, «искусство машиниста полагалось даже более важным, нежели умение (тоже очень высокое у романтиков) написать декорацию». Благодаря Вальцу, использовавшему невероятные технические но-

Л. БАКСТ. ЭСКИЗЫ КОСТЮМОВ К БАЛЕТУ «НАРЦИСС», 1911

А. ВЕНУА. ЭСКИЗ КОСТЮМА К СПЕКТАКЛЮ «АНИМИРЫ БОЛЬНОЙ», 1913

А. ВЕНУА. ЭСКИЗ КОСТЮМА К БАЛЕТУ «ПЕТРУШКА», 1911

А. ВЕНУА. ЭСКИЗ КОСТЮМА К БАЛЕТУ «ПАВЛИОН АРМИДЫ», 1909

ФОТО: ИВАН КУРТОВИЧ

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

Ф. ФЕДОРОВСКИЙ. ЭСКИЗ КОСТЮМОВ К ОПЕРЕ «ХОВАНЩИНА»

ФОТО: АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ/РИА НОВОСТИ

винки, на подмостках происходили чудеса: шумели водопады, сверкали молнии, полыхали пожары, озера выходили из берегов, а сами декорации менялись на глазах у зрителей за секунды. Подобные эффектные «кунштюки» порой отвлекали внимание критиков и зрителей от других составляющих действия. Однако вскоре ситуация радикально изменилась.

Решающую роль в этом сыграли «Русские сезоны» Дягилева, преобразившие не только отечественный, но и европейский театр. Экспериментатор и визионер, импресарио так отзывался о себе: «Я, во-первых, большой шарлатан, хотя и с блеском, во-вторых, большой шармёр, в-третьих — большой нахал, в-четвертых, человек с большим количеством логики и малым ко-

личеством принципов и, в-пятых, кажется, бездарность». Сергей Павлович привлекал к сотрудничеству именитых художников, превративших задники, бутафорию, костюмы в настоящее искусство. Красота в глазах Дягилева имела статус наивысшей ценности. Его взгляды разделяли коллеги по объединению «Мир искусства», в том числе Александр Бенуа — тончайший стилист и историк искусства. Как отмечают исследователи, в балете «Петрушка» (хореография Михаила Фокина) Александр Николаевич представил свою эстетическую программу: сценограф — не просто создатель декораций, но полноценный соавтор спектакля. Тот же Фокин, вспоминая еще об одном совместном творении, балете «Павильон Армиды», охарактеризовал Бенуа следующим образом: «Костюмы, декорация, освещение — все имело у него задачу выразить содержание пьесы. Как сюжет балета, так и тема каждого танца в этой нашей работе выходили из

Ф. ФЕДОРОВСКИЙ. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К ОПЕРЕ «ИВАН СУСАНИН»

ФОТО: МИХАИЛ ФИЛИМОНОВ/РИА НОВОСТИ

П. ВИЛЬЯМС. ЭСКИЗ ДЕКРАЦИИ К СПЕКТАКЛЮ «ПИКОВЫЙ КЛУБ»

ФОТО: ВСЕВОЛОД ТАРАСЕВИЧ/РИА НОВОСТИ

его головы». Благодаря подобному подходу возник особый феномен Ballets Russes. Сам Александр Бенуа говорил, что его коллеги (а с Дягилевым сотрудничали Александр Головин, Мстислав Добужинский, Николай Рерих, Константин Коровин, Валентин Серов, Евгений Лансер) «не только создавали оформление, в котором блистали Фокин, Нижинский, Павлова, Карсавина, Федорова и столько других, но им принадлежала генеральная идея спектаклей. Мы, художники (не профессиональные декораторы, а «настоящие» художники) помогали также определять основные линии танцев и все мизансцены. Это руководство не было официальным или профессиональным, но носило своеобразно частный характер и (я не грешу самомнением) немало способствовало успеху».

Ballets Russes действительно произвели культурную революцию: они заново открыли Европе забытое искусство балета, а также

установили моду на все русское. Жан Кокто, сотрудничавший с дягилевской антрепризой, впоследствии сравнивал испытанное им потрясение со зрелищем извержения вулкана. «Петрушка», «Весна священная», «Жар-птица», сцена «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» знакомили зрителей со славянской культурой, ее фольклорными корнями. Вот что писал о «Половецких плясках» Бенуа: «Декорация производила громадное впечатление. Созданный Рерихом «по принципу панорамы», лишенной боковых кулис, этот фон с его золотисто-алым небом над бесконечной далью степей, с его дымами, столбами поднимающимися из пестрых кочевых юрт, — это было то самое, что здесь надлежало быть!»

Тюрбан для Парижа

Западная публика нередко связывала Россию с Востоком. Ориентальная тема особенно ярко проявилась в творчестве Льва Бакста.

Автор французской газеты Le Figaro писал: «Любовь к восточному искусству была завезена в Париж из России через балет, музыку и декорации...» Отечественный график хорошо знал историю искусства, много путешествовал: бывал в Северной Африке, в Греции, на Крите, изучал культуру античности, Средиземноморья, собрал огромную библиотеку по востоковедению. Оформленные им балеты — «Шехеразада», «Клеопатра», «Нарцисс», «Дафнис и Хлоя», «Синий бог», «Видение розы» — оказали огромное влияние не только на театральные постановки, но и на моду того времени. Бакст использовал смелый колорит: контрастные сочетания, немыслимые в эпоху нежного ар-нуво. Тюрбаны, шаровары, отсутствие корсетов — все это быстро переняли парижские модницы, а также именитые кутюрье вроде Поля Пуаре. Появились роскошные ткани в стиле Бакста, витрины французских магазинов

ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ

оформляли как сцены из спектаклей. Сам художник не совсем понимал подобный ажиотаж: «Парижанки так уж созданы, что все их поражающее на сцене, находит себе живой отклик в моде. Только этим я могу объяснить, почему мои постановки так повлияли на постепенное преобразование женского костюма вплоть до цветных причесок».

Спектакли, где музыка, живопись и пластика составляли синтетическое единство, стали важным этапом становления модернизма в европейской культуре. Впрочем, авторы «круга Дягилева» были не единственными, кто преобразовал сценическое искусство XX столетия. Важная роль принадлежит и конструктивистам: их новаторские идеи повлияли на развитие мирового театра.

Ставка на конвейер

Молодая советская страна требовала новой эстетики: после революции потерял актуальность «бытовой» театр с его вниманием к обыденным деталям. В создании постановок, соответствовавших духу времени, в основном драматических, огромную роль сыграли художники-новаторы. На сцене вместо привычных декораций возникли удивительные конструкции. Любовь Попова для оформления спектакля Всеволода Мейерхольда «Великодушный рогоносец» (1922) использовала конвейерные ленты, колеса и механическую мельницу. Другой пример — установка архитектора Александра Веснина: «с лифтами, движущимися тротуарами, вращающимся и опускающимся полом» («Человек, который был Четвергом», Камерный театр Таирова, 1923). С театрами успешно сотрудничали Лазарь Лисицкий, Александр Родченко, Варвара Степанова, Владимир Татлин. Некоторые использовали необычные фактуры — жель, фанеру, рогожу. На подмостках царили аскетизм и функциональность: акцент нередко

А. ТЫШЛЕР. ЭСКИЗ КОСТЮМА К СПЕКТАКЛЮ «МАКБЕТ»

А. ТЫШЛЕР. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К СПЕКТАКЛЮ «ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ»

делался на машинерии, технических изобретениях.

Среди ведущих художников той поры были Александра Экстер и Георгий Якулов, работавшие с Камерным театром Таирова. Экстер, оформившая спектакли «Фамира Кифаред» (1916), «Саломея» (1917), «Ромео и Джульетта» (1921), обладала яркой индивидуальностью. Она не стремилась к лаконичности: ее произведения отличала роскошь, декоративное изобилие. А изобретательный Георгий Якулов все время придумывал что-то новое: фантазмагорическую «Принцессу Брамбиллу» (Камерный театр, 1920), монументального «Царя Эдипа» (Государственный показательный театр, 1921). В 1927-м он

сотрудничал с Дягилевым: работал над балетом «Стальной скок», где стремился представить достижения нового советского искусства. Либретто художник написал совместно с композитором Сергеем Прокофьевым, который вспоминал: «Не разберешь, в пользу ли большевиков он или против них, то есть как раз то, что требуется. Якулов немного боялся, не обидел бы такой сюжет Москву, ибо ему надо было туда возвращаться, однако соглашался».

Особняком стоит творчество Александра Тышлера, начинавшего

с абстракции, но затем выработавшего диковинный язык, напоминающий полусон, полаявь, странные сумрачные фантазии. Мастер говорил: «Мое оформление всегда можно вынести из театра, поставить в другое пространство, и оно не развалится, оно крепко, пластически сколочено». Всего художник оформил более 80 спектаклей в театрах Москвы, Петрограда — Ленинграда. Его последней работой стала опера Родиона Щедрина «Не только любовь» (Большой театр, 1961).

Федоровский, Левенталь, Вирсаладзе

Постепенно сценографы — вслед за архитекторами и живописцами — отошли от экспериментов:

А. ЭКСТЕР ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К СПЕКТАКЛЮ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

в их творчестве все больше проявлялись черты неоклассицизма. Подобная эволюция была характерна и для Петра Вильямса, учившегося во ВХУТЕМАСе у Машкова, Штеренберга, Кончаловского и ставшего одним из основателей передового Общества художников-станковистов (ОСТ). Его ранние вещи поражали смелостью ракурсов и неожиданностью цветовых сочетаний. С 1937 года мастер работал в Большом театре, в 41-м стал главным художником. Здесь он создавал классические архитектурные декорации. Александр Лабас вспоминал: «Петр Вильямс. Я его ценил как очень талантливого художника и дружил с ним. Он умер рано, в разгар новых замыслов, творческих поисков и замечательных достижений».

Еще один мастер, связавший жизнь с Большим театром и ставший выразителем вкусов эпохи, — Федор Федоровский, автор занавеса ГАБТа и рубиновых звезд на башнях Кремля. В 1921 году он был назначен заведующим художественно-постановочной частью театра, впоследствии дважды становился главным художником. В двадцатые в его работах еще встречались конструктивистские мотивы, позднее мастер стал отдавать предпочтение героико-монументальному стилю. В основном

А. ЭКСТЕР ЭСКИЗ КОСТЮМА К СПЕКТАКЛЮ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»

Федоровский оформлял оперную классику — «Бориса Годунова» (1927, 1948), «Князя Игоря» (1934), «Хованщину» (1949), «Царскую невесту» (1955).

В 1960-е годы на подмостках вспомнили о стилистических поисках 20-х: простые линии, яркие цвета, лаконичные образы. В 1970-е сценография стала более сложной, многослойной. Показательно творчество Валерия Левенталья, с 1965 года работавшего художником-постановщиком ГАБТа, с 1988-го по 1995-й занимавшего должность главного художника, а также 17 лет сотрудничавшего со МХАТом.

В Большом Левенталь образовал творческий тандем с оперным режиссером Борисом Покровским, во МХАТе его «напарником» стал Олег Ефремов. У художника был узнаваемый стиль: придуманные им пространства поражали ажурностью, обилием деталей. Сотрудничал с Ефремовым — сначала в «Современнике», потом во МХАТе — и Борис Мессерер: мастер, работы которого всегда отличала невероятная изобретательность.

Со временем роль сценографов только усилилась. Постоянным соавтором спектаклей Юрия Григоревича был Симон Вирсаладзе: он создавал монументальные работы, выдержанные в героической стилистике, не слащавые и совсем не детские — это касалось даже «Щелкунчика». Первым театральным художником постмодернистского склада называют Сергея Бархина, сотрудничавшего с Олегом Ефремовым, Юрием Любимовым, Петром Фоменко, Олегом Табаковым, Романом Виктюком. Архитектор по образованию, мастер творит причудливые миры, где переплетаются ирония, изящество, гротеск, а также легко уживаются приметы разных эпох.

В целом во второй половине XX века оформился феномен «театра художника»: когда режиссер (иногда начинавший как сценограф) мыслит прежде всего в категориях пластического творчества — подобный подход характерен, например, для Дмитрия Крымова. Современные постановщики открыты для экспериментов, активно используют технические новинки, в том числе мультимедиа: визуально спектакли становятся все более изощренными. Впрочем, не так уж важно, реалистичны ли постановки или же авторы погружают зрителя в невероятную фантазмагорию. Главное, не забывать о простых словах Маяковского: «Театр — не отображающее зеркало, а увеличительное стекло».

«Царица ваз» в Государственном Эрмитаже

Колосс на яшмовой ноге

Елена Мачульская

Самая большая в мире ваза была создана 175 лет назад. Ее изготовили алтайские искусники — из узорной ревневской яшмы, материала твердого и неподатливого. Высота исполинского шедевра с пьедесталом составляет более двух с половиной метров, максимальный диаметр — 5,04 метра.

У ЭТОЙ огромной чаши аналогов никогда не было. И весьма показательно, что каменное чудо появилось на свет не в Западной Европе, где умельцы традиционно ориентировались на античные образцы, а в стране, в которой камнерезное дело достигло своего расцвета лишь в XVIII веке. За короткое время русские не только сравнялись в мастерстве со своими иностранными коллегами, но и достигли в этом искусстве невиданных высот.

Алтай стал для Российской империи настоящей сокровищницей. Многочисленные поисковые экспедиции открывали здесь одно за другим богатые месторождения меди и серебра, а еще — мрамора, яшмы, порфира, опалов. Причем в алтайских горах обнаружались огромные, всех возможных оттенков, яшмовые монолиты, каких не было на Урале.

А. Мельников

Посетивший в начале XX века эти места «поэт камня», геолог Александр Ферсман сказал, что породы со столь разнообразной цветовой гаммой и таким рисунком он не встречал нигде.

В петровские времена в новой российской столице возникла мысль о возможности не только добычи, но и промышленной обработки камня. Поначалу выбор пал на Локтевский медеплавильный завод, располагавшийся на излучине реки Алей: неподалеку были найдены залежи великолепного черного порфира. В 1786 году там построили шлифовальную — по образцу Петергофской — мельницу. Ею стал руководить приехавший с берегов Финского залива Петр Бакланов. Под началом этого мастера были сработаны первые алтайские вазы.

Затем производство решили приблизить к местам добычи разноцветных пород. Львиную долю месторождений поделочного камня — всего специалисты-рудознаты отыскали более двухсот — выявили в окрестностях Колывани (это село возникло на берегу реки Белая, вокруг основанного Акинфием Демидовым в 1728 году Колывано-Воскресенского медеплавильного завода). К тому времени плавка металла прекратилась, и предприятие за-

крыли. Теперь же на его базе решили построить другое. Так в колывели горнорудного промысла началась новая жизнь.

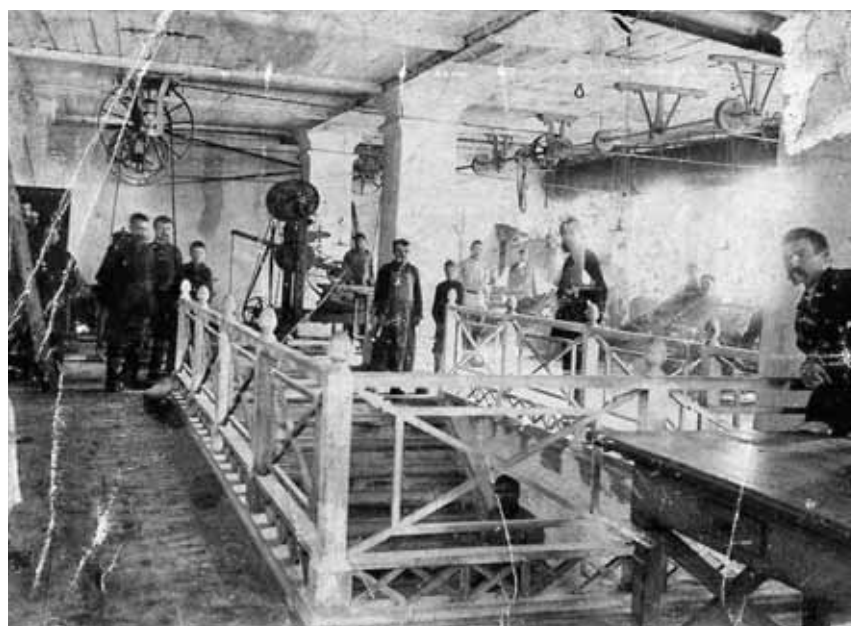
Колыванскую фабрику открыли в 1802 году. Она стала третьим по счету центром художественной обработки камня в России — после Петергофского и Екатеринбургского. В ту пору на всех стадиях производства преобладал ручной труд, однако на Алтае дело поставили иначе. Проект первой в стране механизированной шлифовальной фабрики разработал и претворил в жизнь камнерез, изобретатель, сын мастерового Ал-

тайских медеплавильных заводов Филипп Стрижков.

Он начинал в 1784 году промывальщиком руды на Змеиногорском руднике. Там же заинтересовался механизмами, созданными талантливым мастером Козьмой Фроловым. Последний обратил внимание на любознательного юношу, и вскоре штрейгерской ученик Стрижков был «послан в Локтевский завод для обучения каменной резке, шлифовке и полировке», а через семь лет его ноу-хау позволяли за четыре недели выполнять работу, на которую прежде требовалось 10 месяцев. Филипп Васильевич изобрел

Колыванская фабрика на Алтае

сверильную машину и универсальный токарный станок для обработки камня. В 1802-м с помощью введенных им технологических новшеств стало возможным делать за пять месяцев то, над чем прежде трудились в течение полутора лет.

Для этого в Колывани была впервые задействована сила воды: заводской пруд использовался для вращения огромного водоналивного колеса, от которого механическая энергия через ременно-блочную трансмиссию передавалась на ручные шлифовальные машинки. Благодаря этому у алтайских мастеров появилась возможность производить крупные изделия — не случайно новую фабрику ее современники называли Колоссальной. В 1816–1819 годах по чертежам Джакомо Кваренги здесь выполнили первую гигантскую яшмовую чашу овальной формы, вызвавшую тогда восторженные отклики. К примеру, такой: «Вещь сия, редкая по величине своей и красивой отделке, есть единственное произведение природы и искусства». И это было только начало.

В 1819-м на Ревневской каменоломне унтершихт-мейстер Иван Колычев обнаружил утес зеленоволнистой яшмы длиной около 14 аршин (10 м). По его указанию монолит был очищен от «верховой наносной земли». Глыба оказалась раздвоенной, большая часть достигала 5,6 метра. О редкой находке сообщили в Петербург. В ответ из столицы прислали рисунок, сопровождаемый предписанием: приступить к работе над грандиозным изделием. Автором проекта испанской чаши стал известный русский архитектор, академик Авраам Мельников, который в качестве образца для ее силуэта использовал форму античного килика — сосуда с развитым верхом. Выбор оказался удивительно точным: огромность чаши не подавляет, а восхищает зрителя.

Созданию колосса и работа предшествовала колоссальная. Летом в скале ручными бурами просверлили множество отверстий. Зимой их заливали водой. Превращаясь в лед, она создавала трещины, затем лед выскребали и воду заливали снова — так продолжалось до тех пор, пока камень не отвалится от скалы под тяжестью собственного веса.

«К настоящему делу чаши приступлено было» в феврале 1828 года. Заготовку с помощью воротов подтащили к камнетесному сараю. Два года около сотни работников долотами обтесывали глыбу со всех сторон. Потом ее уложили на специальные дровни и потащили за 30 верст на шлифовальную фабрику. Непосредственной транспортировкой занимались 567 человек. А ведь были еще и те, кто расчищал, выравнивал дорогу, заготавливал катки, канаты...

По описанию алтайского писателя и знатока камнерезных дел Николая Савельева, к монолиту пристраивали огромный деревянный шаблон, вращая его по дугам. Пользовались им в процессе изготовления только круглой чаши, а для придания ей формы эллипса требовалось уже множество шаблонов. Окруженный ими камень напоминал строящееся здание в лесах. Да и вообще масштаб деятельности оказался вполне сопоставим с трудами зодчих.

Обтеской верхней части будущей вазы целый год занимались 65 мастеров под руководством Ивана Ивачева. Далее началось кропотливое «вынятие внутренней чаши долотной работой». В то же время бригада резчиков из 42 человек вырезала орнамент, а другие специалисты занимались поиском камня для пьедестала. Несколько раз при обработке найденного монолита выявлялись трещины, и приходилось искать другую. Наконец и пьедестал был готов, оставалось лишь подправить полировку — этим занимались еще без малого год.

Кольванским мастерам удалось почти невозможное — создать шедевр неслыханных размеров из очень капризного материала (чем красивее яшма по своему узору, тем она хрупче). Всего на изготовление алтайского каменного цветка ушло 12 лет. Доставка 19-тонного груза в Санкт-Петербург заняла полгода. В феврале 1843-го караван из 154 лошадей, впряженных в приспособленные для этого сани, повез чашу из Кольвани к Барнаулу. Оттуда путь лежал к Уткинской пристани, что на уральской реке Чусовой. А там гигантский сосуд перетащили на транспортные средства, отправившиеся по рекам в Северную столицу.

Кольванская чаша долго простояла на барже у Аничкова моста. Ведь водрузить ее на втором, парадном, этаже Зимнего — рядом с другими выдающимися произведениями отечественных камнерезных фабрик — было невозможно. В конце концов невиданной вазе отвели «проезд» недавно выстроенного здания Нового Эрмитажа, где в течение четырех лет соорудили для нее особый фундамент. Только осенью 1849 года 770 рабочих подняли и поставили ее на место, которое впредь она уже не покидала. Это помещение стало называться Залом большой вазы.

Колоссальная чаша, которую в популярной литературе именуют «Царицей ваз», это только один полюс мастерства кольванских камнерезов — достижение с приставкой «макси». Другой, противоположный в плане натуральных величин — яшмовая каменная «Родомысл XIX века», своеобразная реплика лицевой

стороны медальонов Федора Толстого, сработанных в честь победы России в Отечественной войне 1812 года. На ней — царь Александр I в античном шлеме, со щитом, на котором изображены сцены сражения при Лейпциге. Диаметр медальона — 16 сантиметров, камея — в два раза меньше.

В Кольвани изготавливали яшмовые колонны для Храма Христа Спасителя. А еще — задолго до событий 1812 года — вазу — подарок Наполеону. О последнем факте в алтайском селе до сих пор напоминает улица Парижская. Четырехугольную чашу из сине-фиолетового каргонского порфира сопровождал во Францию мастерской Яков Протопопов. Возвратившись домой, он часто рассказывал о Париже, о том, как представлял Наполеону вазу и как тот подарил ему четыре золотых наполеондора. В результате «французское» название в алтайском селе получил сначала дом Протопопова, а затем и вся улица, на которой он находился.

Выполненные на кольванском заводе произведения хранятся в музеях и частных коллекциях Великобритании, США, Японии, Франции, Швеции, Австрии, Турции. Только в каталоге Государственного Эрмитажа их около ста.

В 2002-м к двухсотлетию юбилею родного предприятия кольванские мастера создали восьмигранную вазу из той же зеленоволистой ревневской яшмы. Чаша, названная «Юбилейной», также оказалась в итоге в Петербурге. Владимир Путин подарил ее городу в честь 300-летия.

На семи холмах

Ай да Пушкин! Ай да Василий Львович!

Ольга Марьяновская

«Поэтов грешный лик / Умножил я собою, / И я главой поник / Пред милою мечтою; / Мой дядюшка-поэт / На то мне дал совет / И с музами сосватал...» — в этих строчках 16-летнего Пушкина содержится автобиографический и в то же время крайне важный для всей отечественной истории факт: наш национальный гений прямо указывает на того, кому он был во многом обязан своей судьбой, кто первым открыл его высокое предназначение.

МОСКВА — родина первого (в смысле — главного) русского писателя. С его именем здесь связано множество адресов. Пять лет назад на Старой Басманной появилось еще одно замечательное памятное место. При содействии и финансовой поддержке правительства Москвы открылся Дом-музей Василия Львовича Пушкина, дяди и наставника великого поэта. Александр Сергеевич приезжал сюда в сентябре 1826-го, после ссылки, проведенной в Михайловском, и последующей аудиенции у Николая I в Кремле.

Дядюшка тоже слыл стихотворцем, входил в литературное общество «Арзамас», где удостоился нескольких «однокоренных» прозвищ разной длины — «Вот я вас», «Вотрушка», «Вот», — состоял в приятельских отношениях с Гаврилой Державиным, Василием Жуковским, Николаем Карамзиным. С гениальным племянником его связывало не только кровное, но и духовное родство. В 1811-м он лично отвез совсем еще юного Сашу в только что созданный Царскосельский лицей. О том же, как дядя сосватал его с музами, Александр Пушкин сообщил граду и миру в 1815-м, в своем послании «К Дельвигу».

В гостях у Василия Львовича собиралось изысканное общество, тут любили бывать Денис Давыдов и Адам Мицкевич, князь Петр Вяземский и Петр Шаликов, видный библиофил Сергей Соболевский и многие

другие московские знаменитости первой трети XIX века. Уютный и довольно богатый экспонатами музей позволяет с головой окунуться в атмосферу гостеприимного дворянского дома той эпохи.

Этот деревянный особняк — на каменном фундаменте, с антресолями и хозяйственными постройками — Василий Пушкин арендовал в течение нескольких лет, начиная с 1824-го.

В подвальной части находится небольшой выставочно-концертный зал, где посетителям рекомендуют перво-наперво посмотреть фильм об истории дома (и его гостях), улицы, о тех, кто жил по соседству. Осмотр музея начинается с экспозиции археологических находок — предметов быта, изразцов XVII–XVIII столетий, обнаруженных в период реставрации здания.

Музейщики изначально стремились создать по-настоящему домашнюю обстановку. Потому привычных этикеток с краткими пояснениями в залах нет — экскурсантам для удобства выдают специальную книжечку, навигатор с описанием экспонатов.

Недолгий подъем по лестнице ведет в переднюю. Тут на почетном месте — изображения фамильного герба и генеалогического древа Пушкиных. Прошение о внесении своей фамилии в «Общий гербовник дворянских родов Российской Империи» Василий Львович подал в Московское дворянское депутатское

собрание в 1799 году. Внутреннее убранство воспроизводит обстановку тех далеких времен: визитки, оставленные гостями на специальном подносе, колоритная дамская шляпа с перьями, накидка, цилиндр, сюртук...

Парадная зала украшена портретами. На одном из них, как предполагают сотрудники музея, запечатлен сам хозяин. На других — образы его, увы, неизвестных в наши дни современников. Возможно, так выглядели родители и сестры Василия Львовича, чьи изображения не сохранились. Хотя графический портрет брата, Сергея Львовича, написанный Карлом Гампельном, — копия этой работы была специально выполнена для музея, — не оставляет сомнений в достоверности.

На ближней стене — картина «Москва. Боярская площадка, или Постельное крыльцо и храм Спаса за Золотой решеткой в Московском Кремле», выполненная Федором Алексеевым в 1801 году. Под стеклом хранится рукописный альбом Екатерины Бибиковой (урожденной Муравьевой-Апостол) со стихами и автографами Пушкина-дяди и дружеским шаржем Константина Батюшкова: Василий Львович нарисован в момент прогулки по Тверскому бульвару.

Из залы идем в гостиную, в которой читали свои сочинения, а также музицировали хозяин дома и его друзья. Как и в других комнатах, здесь старинная мебель, изящные предметы декоративно-прикладного творчества. Интерьер удачно дополняют слепки с барельефов Федора Толстого, живописные полотна, графика иностранных художников начала XIX века, призывающие вспомнить о путешествиях дядюшки-поэта по Европе.

В музее есть альбом владелицы парижского аристократического салона Елизаветы Демидовой с автогра-

фами Василия Львовича на французском языке, искусная сонетка (шнурок звонка для вызова прислуги), собственноручно вышитая женой близкого друга, одного из бесспорно умнейших и талантливейших людей своего времени Петра Вяземского. Ему дядя Пушкина посвятил такие, к примеру, строки: «Как трудно, Вяземский, в плачевном нашем мире / Всем людям нравиться, их вкусу угождать!.. / Но многие ль, скажи, ценить талант умеют? / О, горе, горе нам от мнимых знатоков! / Судилище ума — собрание чудаков, / И в праздности сердца к изящному хладеют... / И я на лире пел, и я стихи любил, / В беседе с музами блаженство находил, / Свой ум обогащать учением старался, / И, виноват, подчас в посланиях моих / Я над невежеством и глупостью смеялся... / Итак, я стал ленив и празден поневоле; / Врагов я не найду в моей безвестной доле. / Пусть льются там стихи нелепые рекой, / Нет нужды — мне всего любезнее покой...»

В нарядной столовой — накрытый для приема званных гостей овальный стол. Кажется, вот-вот подадут на подносе любимое блюдо «арзамасцев», гуся с яблоками. Сверкает белизной прекрасный старинный фарфор, серебряные приборы начищены до блеска. Чайные ложки, кстати, принадлежали когда-то семье родной сестры Василия Львовича Елизаветы.

Отдельный зал, оформленный как домашний театр, посвящен самому известному литературному опусу Василия Пушкина — поэме «Опасный сосед». Сочинение было высоко оценено современниками, хотя из-за фривольного сюжета его напечатали при жизни автора совсем малым тиражом. В 1855-м «Соседа» переиздавали в Германии и только в 1917-м — в России. Здешняя декорация повторяет гравюру «Сцена

в таверне» английского художника Уильяма Хогарта — поэму некогда ассоциировали с его сатирическими работами. Особую остроту этому произведению придает ведущийся на его страницах давний спор о русском языке. Над сценой плывут черные и белые облака, а из них летят навстречу друг другу стрелы и молнии, символизирующие полемику шишковистов и карамзинистов, парят их портреты. Писатель и литературовед Александр Шишков, заботясь о чистоте родного языка, выступал против заимствования иностранных слов, в то время как реформатор Николай Карамзин создавал из них новые, русские. У обоих имелись последователи и противники, они-то и спорили между собой о литературе, просвещении, патриотизме. Общество «Арзамас», в котором Василий Львович подвизался старостой, объединяло в основном сторонников реформ.

В кабинете Пушкина-дяди много старинных книг, свидетельствующих о его превосходной библиотеке, представлены труды Общества любителей российской словесности (действовало при Московском императорском университете), одним из учредителей которого он являлся, единственное прижизненное издание (1822) написанных им стихов, а также, естественно, творения великого племянника. Довольно

ценный экспонат — французская книга «Театр господина де Лану» (с автографом Василия Львовича), приобретенная во время поездки в Париж.

В камердинерской располагаются предметы нехитрого повседневного быта: ретирадное кресло, ручной мойник, платяной шкаф. Тут жил хорошо знакомый литературоведам Игнатий Хитров, сочинявший по примеру своего хозяина стихи. Сохранилось письмо со стихотворным «Посланием кн. Петру Андреевичу Вяземскому Костромскому от Игнашки дурашки».

На антресольном этаже находится комната, в которой, по легенде, ночевал Александр Сергеевич Пушкин. В тогдашний приезд он остановился в гостинице «Европа» на Тверской, но, не исключено, засидевшись за ужином и беседой допоздна, он мог остаться на ночлег у дядюшки.

Входящий в общую экспозицию постановочный видеосюжет демонстрирует гипотетические картины — то, что поэт мог видеть в снах о своем московском детстве. Последней теме посвящен соседний зал, где рассказывается о том, как воспитывалась в дворянских семьях юная поросль.

В витринах выставлены младенческая распашонка из льна, полотенце с вышивкой, серебряная музыкальная шкатулка, старинные игрушки, учебники, художественные книги. Одна из стен имеет зеркальную поверхность. На ней — силуэты Василия Львовича и Сергея Львовича с сыном, гуляющих по саду в окружении близких. Среди изображений детей начала XIX века — портрет девочки Грушеньки из семьи Янко-вых-Благово, она училась танцам вместе с Ольгой, сестрой Саши Пушкина.

Свое последнее стихотворное посвящение знаменитый дядя адресовал любимому племяннику, в некоторых строках как бы даже напутствуя уже состоявшегося великого поэта: «Не оставляй свою прелестную свирель!.. / Наказывай глупцов, не говоря ни слова, / Печатай им назло скорее «Годунова»./ Творения твои для них тяжелый бич...» А жить в тот момент Василию Львовичу оставалось буквально считанные недели. Он умер 20 августа (1 сентября) 1830 года.

По словам заведующей Фаины Рысиной, в Доме-музее В.Л. Пушкина успешно реализуются программы департамента культуры Москвы «Урок в музее», «Всей семьей в музей!», проводятся олимпиады «Музеи. Парки. Усадьбы», экскурсии по окрестностям, концерты, тематические вечера, увлекательные детские праздники. Тут интересно всем, кому небезразлична русская история и национальная литература. Научные сотрудники подготовили к выпуску несколько красочных альбомов. Ко Дню города, который пройдет 8 сентября, откроется выставка «Живу еще для искренних друзей» — о людях, окружавших хозяина дома. Она продлится до середины декабря 2018 года.

Арсенал

Ракету мне, ракету

Ракета-носитель «Энергия»
в монтажно-испытательном
корпусе космодрома Байконур

ФОТО: ВИТАЛИЙ ШЕКОВИЧ/ТАСС

Андрей Самохин

В списке легенд отечественного ракетостроения его имя упоминается сразу после Сергея Королева. И если последнего именовали «конструктором космической эры», то Валентина Глушко можно с полным основанием наречь ее «главным мотористом». Во многом благодаря ему были созданы двигатели ракет-носителей, доставивших на космическую орбиту первого человека, а к Марсу, Венере и Луне — советские автоматические станции. Велики заслуги Глушко и в том, что свой победный (пусть и единственный) полет некогда совершил челнок «Буран» и что межконтинентальные баллистические ракеты СССР были способны ударить по возможному противнику в любой точке земного шара.

Скрипач, слесарь, мыслитель

Дважды Герой Соцтруда, кавалер орденов Ленина (пяти!), Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции, лауреат Ленинской и Государственных премий сконструировал за свою жизнь десятки двигателей. Они и теперь несут космические и боевые ракеты.

Физик, прекрасно разбирающийся в химии, талантливый инженер, профессионально освоивший слесарку, одинаково виртуозно владел простыми орудиями труда и... скрипичным смычком. У этого скромного, сдержанного человека в строгом костюме бушевали внутри нешуточные страсти. Обаяние гения в нем сочеталось со светлым умом, железным расчетом и высокой мечтой.

Уже на склоне дней он написал: «Счастлив тот, кто нашел свое призвание, способное поглотить все его помыслы и стремления. Дважды счастлив, кто нашел призвание еще в отроческие годы».

Одиннадцатилетний одессит поступает в 1919-м в реальное училище имени св. Павла (переименованное позже в профтехшколу «Металл» им.Троцкого). Занятия в консерватории приводят его, многообещающего юного скрипача, в Одесскую музыкальную академию. А в училище он руководит Кружком общества любителей мироведения. Шестнадцати (!) лет от роду будущий академик заканчивает книгу «Проблема эксплуатации планет», где с научными фактами в руках доказывает, что цивилизации грозит гибель вследствие истощения земных недр. Естественным же выходом из назревающего кризиса автор видел пополнение иссякающих запасов энергии и материи извне, из глубин мирового пространства, с иных тел.

Однажды, увидев в библиотеке статью Константина Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», юноша шлет знаменитому теоретику в Калугу письмо со своими вопросами и получает подробный ответ. Их переписка будет длиться восемь лет.

В стране, в которой еще далеко не все видели самолет, в газетах и журналах публикуются его научно-популярные статьи «Завоевание Землей Луны», «Станция вне Земли». Подобное начало трудовой деятельности сегодня представить сложно, как и то, что скрипач и космический мыслитель с удовольствием слесарил и токарничал на заводской практике.

Даровитого активного юношу вскоре замечают: по путевке Наркомпроса УССР он направлен на учебу в Ленинградский госуниверситет, на физмат. Учится и работает оптиком, механиком, геодезистом. А по ночам читает в подлинниках труды пионеров ракетной техники Роберта Годдарда, Германа Оберта. «Питаю надежду довести начатое Вами дело до конца», — пишет Глушко Циолковскому.

Футуристическая сага

Его диплом, посвященный межпланетному «гелиоракетоплану», отдавал футуристической сагой. Но в те годы не боялись забегать далеко вперед. Военные заинтересовались этой дипломной работой, особенно частью, касающейся электродвижка. Энтузиаст-ракетчик Николай Тихомиров немедленно принял чрезвычайно одаренного выпускника в штат Газодинамической лаборатории, причем сразу на должность начальника отдела по разработке ракетных двигателей — электрических и жидкостных (ЖРД).

Основная проблема, с которой он столкнулся, — выбор топлива, затем дала о себе знать еще более сложная — охлаждение двигателя. Чем жарче в камере сгорания, тем мощнее реактивная струя, толкающая

В. Глушко

ФОТО: ЧЕРЕДИНЦЕВ ВАЛЕНТИН/ТАСС

RD-301

Совет главных конструкторов: М. Рязанский, Н. Пилюгин, С. Королев, В. Глушко, В. Бармин, В. Кузнецов

ракету ввысь. Где взять материалы, выдерживающие запредельные температуры, как отвести тепло? Первые пробные пуски заканчивались за доли секунды: камеры двигателей сгорали мгновенно. «Перед нами, — писал Валентин Глушко много лет спустя, — лежали в полном смысле слова чистые листы бумаги и Неизвестное».

Ракетостроение рождалось в дыму и пламени, с опасностями для испытателей, а порой и для окружающих. Газодинамическая лаборатория разместилась в Петропавловской крепости. Когда оттуда на высоту соборного шпиля вдруг взлетала с бешеным ревом струя огня, прохожие на левом берегу Невы останавливались, некоторые в ужасе крестились. Над соплом установили крышку. Однако в одном из испытаний она сорвалась и, как летающая тарелка, понеслась в сторону пляжа. Там было полно народа. Никого не убило лишь по счастью случайности. Стражи правопорядка велели прекратить фейерверки.

В 1930 году под руководством Глушко разработан и запущен в производство первый советский ЖРД. В состав топлива входят азотная кислота, азотный тетраоксид, перекись водорода. запатентованы устройство сопла и теп-

лоизоляция камеры сгорания. За первенцем последовали модификации двигателя на азотнокислотно-керосиновом топливе. В 1934-м Валентина Глушко переводят в Москву начальником сектора Реактивного НИИ РККА (РНИИ). За этим учреждением стоит фигура Михаила Тухачевского, сделавшего ставку на ракетное вооружение. В эти годы судьба впервые сталкивает Валентина Петровича с другим будущим создателем отечественной космонавтики. Разработанный Глушко двигатель ОРМ-65 испытывается для ракетоплана и крылатой ракеты, сконструированных Сергеем Королевым.

От «Бутырки» до Кремля

В начале 1938-го сближение этих двух людей происходит уже на несколько иной основе — оба арестованы по делу «контрреволюционной троцкистской организации Лангемака и Клейменова», их непосредственных руководителей.

Георгия Лангемака и Ивана Клейменова приговаривают к расстрелу. Валентин Глушко в подвалах Лубянки через два дня после ареста «признается»: «Я являюсь участником антисоветской организации в оборонной промышленности, по заданию которой проводил вреди-

тельную подрывную работу. Кроме того, я занимался шпионской работой в пользу Германии».

Но уже в сентябре, в «Бутырке», он напрочь отрицает свои прежние показания как «не отвечающие действительности», полученные с помощью «морального и физического принуждения».

Письма с просьбой о пересмотре дела шлет во все инстанции, включая высшую — Сталина.

Очевидно, что эти усилия не проходят даром: его отправляют не в колымскую каторгу, как Королева, а в конструкторскую группу НКВД при Тушинском авиамоторостроительном заводе № 82. «Шарашка» становится для него спасением и возможностью продолжать профессиональную деятельность, пусть и в неволе. Валентин Глушко разрабатывает вспомогательную установку ЖРД на самолетах С-100 и Сталь-7, после чего переводится (в 1940-м) в опытно-конструкторское бюро НКВД в Казани (позже переименовуют в ОКБ спецдвигателей и ОКБ-456). Он создает проекты новых эффективных двигателей. Коллеги — будущие ключевые инженеры советского ракетостроения.

В 1942 году по его — уже авторитетному — ходатайству (Глушко — главный конструктор) в Казань из омской «шарашки» переводится в качестве заместителя по летным испытаниям Сергей Королев. Дела идут успешно: жидкостно-реактивный двигатель, установленный на самолет Пе-2, увеличил его скорость на 180 километров в час. Столь же впечатляющими становятся испытания истребителей Як-3, Ла-7, Су-7 (также с ЖРД). Характерно, что «тюремные» глушковские движки будут использоваться до середины 1970-х.

Успехи группы заключенных круто меняют их судьбы. 27 июля 1944-го по решению Президиума Верховного Совета СССР Глушко досрочно освобожден и реабилитирован. Тогда же происходит его первая встреча со Сталиным. Тот задает весьма толковые вопросы по

ракетной тематике, а Валентин Петрович передает вождю список из тридцати человек для досрочного освобождения. Большинство из тех людей навсегда свяжут с ним свою судьбу.

Недавний осужденный заведует кафедрой реактивных двигателей в Казанском авиационном институте, а по окончании Великой Отечественной направляется на полтора года в побежденную Германию изучать технологические успехи рейха. Достижения Вернера фон Брауна с ФАУ-2 сильно впечатляют и Глушко, и Королева. А с началом холодной войны ракетно-космическая программа СССР становится — наряду с атомным проектом — гарантией физического выживания страны.

В 1947 году Валентина Петровна вновь вызывают к вождю, где ему предлагают возглавить работы по ракетостроению. (То есть именно он, а не Королев мог бы стать главной фигурой, символом ракетно-космического прорыва!) Но Глушко в первую очередь печется о деле: «Тогда будет некому делать двигатели», — возражает он Сталину, порекомендовав на предложенное место своего друга. Вождь не возражает, лишь приговаривает, усмехнувшись: «Ну что ты делаешь с этим гордым одесситом?!»

Так бывший начальник Королева на долгие годы становится его подчиненным, хоть и не прямым. И это не лучшим образом скажется на их взаимоотношениях.

Ссора с Королевым

Эпоха ракетной гонки двух сверхдержав подробно описана в многочисленных мемуарах и трудах историков. В запусках боевой баллистической ракеты Р-1 и ее дальнейших модификаций, первого спутника и корабля «Восток» с Юрием Гагариным на борту, во многих других подобных свершениях роль двигателей, разработанных в КБ Глушко, столь же важна, как и всего остального, созданного в королевском ОКБ-1.

Мощные маршевые двигатели для ракеты-носителя «Протон» и «Энергия», транспортного корабля «Прогресс», позже — модернизация орбитальных станций «Салют», кораблей «Союз», строительство ОКС «Мир», челнока «Буран» — все это было сделано под руководством и при непосредственном участии академика, доктора технических наук Валентина Глушко. Он был главным редактором нескольких выпусков энциклопедии «Космонавтика», возглавлял научно-методический совет по астрономии и космонавтике Всесоюзного общества «Знание».

В начале 1960-х они вместе с Королевым — их отношения к тому времени уже были натянутыми — инициировали начало секретной программы лунных обитаемых модулей, которые даже начали проектировать в КБ Владимира Бармина. Однако неудача с «лунной» ракетой Н-1 поставила крест на этих планах. И — на дружбе двух отцов отечественной космонавтики.

Глушко не удалось сконструировать мощный однокамерный ЖРД, аналогичный американскому. За неимением такового наши ракетно-носители были обвешаны связками менее мощных двигателей. Валентин Петрович предлагал переходить с жидкого кислорода и керосина на гептил и азотный тетраоксид. Сергей Павлович и его заместитель Василий Мишин резко возражали против этих ядовитых составов.

Глушко отказался работать над двигателем для Н-1, и тогда Королев взялся за это непрофильное дело самостоятельно, в своем ОКБ, пригласив конструктора Николая Кузнецова. В результате первый смертельно обиделся на второго.

Для обоих во главе угла всегда стояло Дело. Но несмотря на пуды соли, съеденные совместно, ни тот, ни другой не смогли пожертвовать «приоритетностью» собственного видения. Тут уж вспомнились и другие, ранее купированные, споры, и уязвленное самолюбие взвырало. Дошло до шумных раз-

бирательств с привлечением растерянных генералов и членов ЦК, до личных оскорблений...

Как считают некоторые западные эксперты, ссора двух корифеев привела СССР к проигрышу в лунной гонке и к утрате космического первенства в конце 1960-х. Иностранцам вторит выдающийся конструктор Борис Черток: «Разногласия Королева и Мишина с Глушко имели тяжелые последствия для нашей космонавтики».

Даже провозжая Сергея Павловича в последний путь, Валентин Петрович не смог удержаться от язвительного замечания: «Если бы мне устроили такие похороны, я бы мог умереть хоть завтра».

Он, к счастью, прожил еще более двух десятков лет, сумев за это время сделать очень много и для космонавтики, и для ракетного щита Родины. В его последнем детище, в системе «Энергия-Буран» парадоксальным образом примирились глушковские и королевские подходы к использованию топлива. Впрочем, для страны с названием «СССР» такое «примирение» было уже слишком запоздалым. Но, как и великие рукописи, гениальные чертежи не горят. Прорывные виды вооружений, о которых недавно говорил Владимир Путин, изрядно шокировав при этом западных «партнеров», во многом основаны на идеях конструктора Глушко.

В юности, посреди взбаламученной революцией страны, одесский мальчик Валя написал в тетрадке удивительное пророчество: «Пройдут немногие годы, и появится новый Колумб, который, первым прорубив окно во Вселенную, положит начало новой, уже четвертой эпохе в развитии человеческой цивилизации, — эпохе межпланетной».

Сегодня через телескоп можно разглядеть на видимой стороне Луны названный его именем кратер — примерно там, где должна была строиться наша лунная база. И есть надежда, что когда-нибудь она там будет.

Стоп-кадр

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Война и мир». 1966

Толстой на показ

Николай Ирин

Социальное и поведенческое «опрошение» Льва Толстого, отторжение им светских условностей в последний период его жизни психологически сближают классика с теми общественными силами, которые заказывали и создавали самое демократичное — наряду с цирком — искусство. Впрочем, вряд ли к показам на белом полотне мчащихся поездов и движущихся человеческих фигурок кто-либо относился в ту пору слишком серьезно: просветительская и развлекательная функции синематографа были очевидны, а художественный потенциал пока что едва различим.

В РОССИИ раньше, чем где бы то ни было, раздался обращенный к мастерам художественного слова призыв сочинять истории специально для кино. Модный литературный критик Корней Чуковский, обмолвившись в 1908-м, что «кинематограф тоже есть песня, былина, сказка, причитание, заговор», довольно скоро пошел в своих рассуждениях еще дальше. Весной 1910-го в Ясную Поляну приехал Леонид Андреев, который возбужденно рассказывал ее знаменитому насельнику о перспективах экранного творчества. Поведал и об инициативе Чуковского, звавшего приобщиться к синематографу серьезных литераторов. Толстой, чье отношение к стилистике Андреева современники описывали формулой «он пугает, а мне не страшно», первоначально отреагировал скептически. «Обязательно пишите,

Лев Николаевич, — наседали Леонид Николаевич. — Ваш авторитет будет иметь огромное значение. Писатели сейчас колеблются, а если начнете Вы, то за Вами пойдут все».

Наутро, за обедом, Толстой неожиданно объявил: «Вы знаете, я все думал о кинематографе... Я решил написать для кинематографа. Ведь это понятно огромным массам, притом всех народов. И ведь тут можно написать не четыре, не пять, а десять, пятнадцать картин... Непременно сочиню... если успею». Документально зафиксировано несколько киносеансов, на которых он присутствовал. Скажем, в начале того же 1910-го на домашних показах в Ясной Поляне Лев Толстой изумился ролику о его же визите в Москву и даже попросил прокрутить мини-ленту повторно. Расчувствовавшись, прокомментировал: «Ах, если бы я мог видеть теперь отца и мать так, как я вижу самого себя!» Летом он смотрел фильмы в селе Мещерском, будучи в гостях у Владимира Черткова, участвуя в кинопоказе, организованном специально для больных местной

психиатрической лечебницы. Писателю понравились документальные ленты, однако разочаровали помпезные драмы вроде «Нерона» и «Красноречия цветка».

«Кинематограф быстро приедается, да и все движения выходят в нем ненатурально», — заметил старец, однако мысль гения уже работала в новом направлении. Так, Александр Гольденвейзер принял во внимание следующее замечание Толстого: кинематографом «можно было бы воспользоваться с хорошей целью». А потом прозвучало и вовсе революционное: кино могло бы стать «полезнее книги».

Уход Льва Николаевича сначала из Ясной Поляны, а потом из жизни лишил нас счастливой возможности узнать, как же создатель уникальной литературной вселенной собирался сотрудничать с еще не оформившимся в искусство развлекательным балаганом.

Люди, искавшие сюжеты для собственных кино постановок, были довольны уже и тем, что успел написать Толстой-романист-рассказчик-драматург. Конечно, изо-

бретенная им «диалектика души» никаких шансов на адекватное экранное воплощение в то время не имела. Даже теперь, в эпоху подробных, сложноустроенных сериалов найти визуальный эквивалент психологическим хитросплетениям его прозы — задача почти нереальная. А тогда, на заре киноискусства, обращали внимание лишь на четко прописанные человеческие типы и метафорически заостренные сюжеты. Проза Толстого — даже когда ее оголяли до стержня, до каркаса — производила впечатление «жизни, как она есть». Но разве не к этому изначально стремился кинематограф?! Персонажи на экране убедительно взаимодействуют, а мотивы их поведения при этом индивидуальны и универсальны одновременно...

Любопытно, что первым экранизированным сочинением Толстого стал роман «Воскресение». Причина этого, вероятно, в том, что его несложно редуцировать до камерной мелодрамы. В сюжете есть элементы, к которым кинематограф тяготеет по сию пору: чувственные

Л. Толстой в Ясной Поляне. 1908

ФОТО: О. ИГНАТОВИЧ/РИА НОВОСТИ

«Анна Каренина». 1967

соблазны, плотские удовольствия на продажу, уголовное следствие, судебный процесс, длительные напряженные взаимоотношения любовников. В 1907-м короткометражку с одноименным названием выпустил датчанин Вигго Ларсен. И началось. В следующем году свое «Воскресение» делает в США Дэвид Уорк Гриффит, потом французы (под названием «Сибирские снега»). Далее следуют многочисленные зарубежные «Катюши», среди которых выделяется японская, 1914 года. В России Толстого впервые экранизирует **Петр Чардынин**, и происходит это в 1909-м. На студии Ханжонкова он ставит «Власть тьмы», где сам же исполняет роль Никиты. Примечательно, что в 1910-м оператор и продюсер Александр Дранков пытается заинтересовать Льва Николаевича — во время того самого яснополянского кинопоказа — свежей отечественной сенсацией, но тот оценить экранное воплощение своей пьесы категорически отказывается.

Француз Морис Метр выпускает в 1911-м 15-минутную «Анну Каренину». Смешно? Еще бы. Многоплановый роман, который не умещается даже в длинный сериал, преподнесен в формате «перерыва

«Анна Каренина». 2011

на футбольный матч». В том же году случается форменный скандал: прежде неопубликованную пьесу «Живой труп» — ее вот-вот должен показать МХТ — в считанные дни экранизируют и выбрасывают на рынок режиссеры **Борис Чайковский** и **Владимир Кузнецов**. Забавно, что киношники приобретают копию толстовского сочинения на черном рынке, а пускают в оборот наперекор воле родных уже усопшего классика. Это очень характерный эпизод. Народившееся массовое искусство не считаете с прежними нормами, зато жаждет победы в конкурентной борьбе, в данном случае — с представителями смежного и пока еще более почтенного искусства, театрального.

Через пару лет свой «Живой труп» мастерят продюсеры братья Уорнер. Между тем постоянно расширяется круг вводимых в кинематографический оборот толстовских произведений: сначала **Чардынин** представляет на суд зрителя «Крейцерову сонату» с Иваном Мозжухиным, а спустя три года свой вариант киноповести предлагает **Владимир Гардин**.

И в этом соревновании соглашаются участвовать лучшие силы национальной режиссуры. Будущий классик русского кино **Яков Протазанов** снимает по произведени-

«Анна Каренина». 2017

ям Толстого «Первого винокура», «Дьявола», «Войну и мир» (совместно с Владимиром Гардиным), «Семейное счастье» — все это своеобразная подготовка к его первому несомненному шедевру на ниве толстовских экранизаций, полнометражному «Отцу Сергию» (1918) с Мозжухиным в главной роли.

Отдельно следует остановиться на «Войне и мире». С началом Первой мировой страна испытывает патриотический подъем, эпопею поднимают на щит сразу три творческих коллектива. Свои версии создают параллельно Чардынин и Каменский. Толстой при жизни вряд ли мог предположить подобную конкуренцию и наверняка их не одобрил бы. Однако масскультура именно в этот период приходит всерьез и надолго. Киношники соревнуются уже не только в постановочной скорости, но и в художественном качестве. Иллюзион стремительно формирует собственный язык и, заполняя экраны актуальной продукцией, не устает его совершенствовать.

Протазапов утверждает себя в качестве мастера мирового уровня в 1916-м, после экранизации «Пиковой дамы» с Мозжухиным в главной роли. Тогда же анонсируется будущий «Отец Сергий». Но цензура запрещает изображение на экране членов царской семьи и представителей духовенства. Съемки удастся начать лишь в разгар революции, в 1917-м, а в следующем году фильм выйдет в прокат. Он произведет мощнейшее впечатление как на отечественную, так и на зарубежную публику. «Драма не драма, роман не роман, а сама жизнь, и кто видел эту картину, тот понимает, что это сильнее и драмы, и романа, — примется восклицать обозреватель парижской газеты «Кинотворчество». — Ведь искрящегося снега так, как видит его зритель, не нарисует и сам Толстой... И на ленте остается более сильная правда, чем бывает на сцене. Радостно смотреть на такой фильм — произведение гениального художника. Тут сила Толстого и сила Мозжухина соединились».

Иностраннный обозреватель, как видим, все свалил в одну кучу, но тот способ считывания художественного материала, который характерен для кинозрителя, определил в принципе верно: гениальная первооснова психолога-реалиста сшита незаметными стежками, посредством форсированной игры немых артистов и вдобавок «заземлена» фотографически точной реальностью. Пожалуй, именно с этого момента понятие «кинематограф Льва Толстого» превращается из мечты Леонида Андреева в исторический факт.

Далее шедевры и просто хорошие ленты по толстовским произведениям появляются регулярно. Уже в 1919-м Александр Санин экранизирует рассказ «Поликушка» с Иваном Москвиным и Верой Пашенной в главных ролях. Из-за войны картина выходит в прокат только через три года, после чего признается и у нас, и за рубежом как нетленка. Здесь гуманизм и демокра-

тизм великого писателя удачно сочетаются с классовой установкой нового государства. Герой первого плана, крестьянин, «человек незначительный и замаранный», дан Москвиным во всех психологических подробностях — вряд ли с любовью, но уж точно с пристальным интересом к его безалаберной неразвитой натуре и трагической судьбе.

Толстого экранизировали бесконечно. В немом кино удачи случались со временем все реже: изощренная литературная ткань настоятельно требовала новых средств выражения. И все же следует отметить советско-германскую постановку «Живого труппа», которую осуществил в 1929-м написавший сценарии к

лучшим фильмам Протазанова и «Поликушке» Федор Оцеп. Главную роль сыграл Всеволод Пудовкин, а картина получила немалую международную известность.

Наиболее знаменитые, близкие сердцам наших современников фильмы по Толстому появились во второй половине XX столетия, когда кинематографисты научились соединять изысканную визуальность с тонкой разработкой внутренней жизни персонажей. Возвышается над прочими, конечно, грандиозная четырехсерийная картина «Война и мир» Сергея Бондарчука, поразившая в 1960-е масштабом, внятностью, плотностью исторической ткани и добавлением пронзительным лиризмом. Огромное полотно было задумано режиссером в качестве эквивалента единственной в своем роде эпопее Льва Николаевича. Ведь прежде постановщики романов Толстого, даже самые талантливые, заранее расписывались в том, что ограничатся набором фрагментов, выберут из десятков, если не сотен, авторских ракурсов не более «трех-четырех». Такова, к примеру, сделанная с любовью к роману

американская лента 1956-го, куда режиссер Кинг Видор пригласил Одри Хепбёрн и Генри Фонду (на роли Наташи и Пьера). Бондарчук снимает шесть долгих лет, преодолевает всевозможные производственные трудности, закономерное недоверие коллег — некоторые из них считали его выскочкой, взявшимся за проект не по чину. Ки-

ноэпос получился практически безупречным. Не в том смысле, что отражает все грани и нюансы бездонного литературного произведения — он идеально транслирует бесстрашие нашего талантливого современника, решившегося на невероятный поступок. Но с Толстым по-другому нельзя, тот сам был человеком духовного подвига.

В золотой фонд национального киноискусства вошли «**Воскресение**» **Михаила Швейцера** с Евгением Матвеевым и Тamarой Семиной, «**Анна Каренина**» **Александра Зархи** с Татьяной Самойловой, Василием Лановым и Николаем Гриценко, «**Отец Сергей**» **Игоря Таланкина**, где центральную роль прекрасно исполнил Сергей Бондарчук. Дважды экранизировались «**Казачи**» — одноименная лента **Василия Пронина** с Леонидом Губановым, Борисом Андреевым и Зинаидой Кириенко и «**Кавказская повесть**» **Георгия Калатоцишвили** с Владимиром Конкиным.

Новая волна кинопрочтений Толстого прокатилась в 80-е: «**Два гусара**» **Вячеслава Криштофовича** с Олегом Янковским, виртуозно сыгравшим сразу две роли, «**Крейцеров соната**» **Михаила Швейцера** с тем же Янковским, «**Простая смерть**» **Александра Кайдановского** с Валерием Приемыховым и Алисой Фрейндлих (последняя является страшноватой и поучительной экранизацией «Смерти Ивана Ильича»).

Многомерная проза провоцировала незаурядных режиссеров на то, чтобы, сохраняя ее универсаль-

ные смыслы, переносить действие в иную национальную и социальную среду. Результатом этого становились такие работы, как «Жить» Акиры Куросавы, оттолкнувшегося от «Смерти Ивана Ильича», «Деньги» Робера Брессона, в основе которых лежит рассказ «Фальшивый купон». На Московском кинофестивале 2005 года Специальный приз жюри получила лента финского мастера Аку Лоухимие-са «Вечная мерзлота» — еще один осовремененный «Фальшивый купон». К **Сергею Бодрову-младшему** первая настоящая известность пришла после фильма Бодрова-

старшего «**Кавказский пленник**»: события, некогда изложенные Толстым, перенесены во времена чеченской войны, к рубежу XX и XXI столетий.

В нынешнем веке интерес к русскому корифею не ослабевает. Выпустили свои версии «**Анны Карениной**» **Сергей Соловьев**, **Карен Шахназаров** и британец Джо Райт (соответственно с Татьяной Друбич, Елизаветой Боярской и Кирой Найтли в титульной партии). В основу четырехчасовой картины

ФОТО: ИТАР-ТАСС

«Отец Сергей». 1978

филиппинца Лава Диаса «Женщина, которая ушла» — она стала сенсацией Венецианского фестиваля 2016 года и даже получила на нем главный приз — положен не слишком известный даже у нас рассказ «Бог правду видит, да не скоро скажет».

Мог ли скептически настроенный к синемаграфу Лев Николаевич вообразить, что через столетие с небольшим его проза сначала вдохновит на художественное открытие кинорежиссера из далекой азиатской страны, а потом заставит рукоплескать его находкам авторитетное интернациональное жюри?..

ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

Граф ел и нам велел

Максим Сырников

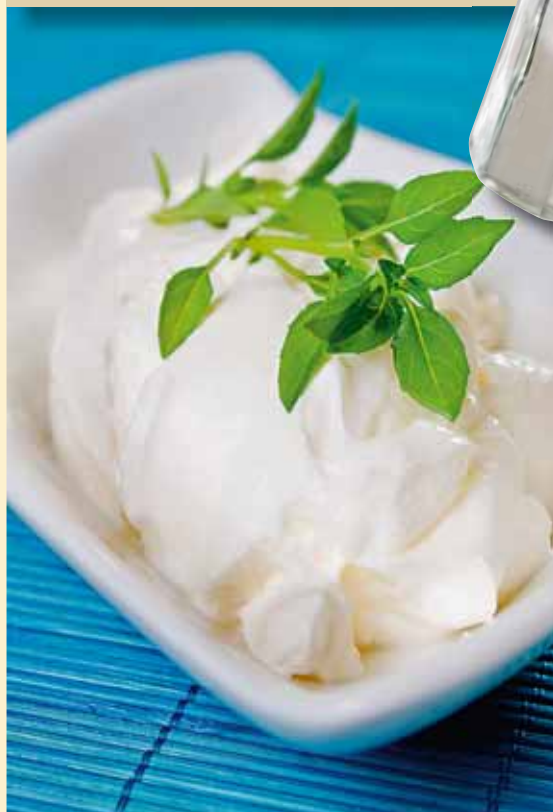
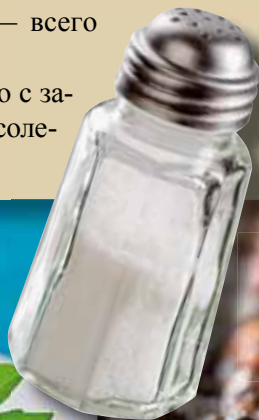
В мире не слишком известны традиционные русские блюда, а в ресторанный интернациональную кухню вошло и того меньше. Одно из них — конечно же, бефстроганов, говядина по-строгановски, она же — беф а-ля Строганов. Название кушанье получило благодаря графу Александру Строганову, герою войн с Наполеоном. Есть разные версии, почему говядина в сметанной подливке по сей день носит его имя. Однако ни одна из них документально не подтверждена. Точно известно только то, что блюдо создано в России и популярно на многих континентах. Главное в приготовлении хорошего бефстроганова — правильно выбранная говядина.

ЛУЧШЕ — взять вырезку. Мясо слегка отбить, а затем нарезать ломтиками по сантиметру, поперек волокон. Ломтики разделить на аккуратные правильные брусочки и запанировать в пшеничной муке. Лук нарезать тонкой соломкой и обжарить до легкого золотистого оттенка в топленом масле. Подготовленную говядину выложить прямо на лук и обжарить. Залить бульоном и тушить полчаса. Добавить сметану, поперчить, посолить и довести до готовности (пятнадцать минут на очень маленьком огне).

* На килограмм говядины понадобится 500 граммов репчатого лука, полтора стакана бульона, стакан сметаны, соль, черный перец, мука для панировки.

В кулинарных книгах XIX столетия в бефстроганов рекомендовали добавить сою-кабуль, которую сейчас в России не производят. Ее можно заменить на вустерский (уочестерский) соус — всего несколько капель.

Подавать бефстроганов лучше всего с запеченной картошкой, ломтиками соленого огурца и петрушкой.

А. БЕНУА. ЭСКИЗ КОСТЮМА К БАЛЕТУ «ПЕТРУШКА». 1911

Свой

СЕНТЯБРЬ 2018

КУЛЬТУРА
Арт-пространство русской Парламент